

НЕ
РОБКОГО
ДЕСЯТКА

№ 20 ОКТЯБРЬ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ОГОНЬ

«Для комсомола остается немеркнувшим ленинский завет — молодежи нужен опыт старших поколений революционеров».

[Из резолюции XVI съезда ВЛКСМ]

ФАКТОРЫ

Валентина КЛОЧКОВА, секретарь Приморского крайкома ВЛКСМ

РАЗЫШЛЕНИЯ ДЕЛЕГАТА XVI СЪЕЗДА ВЛКСМ О ТРАДИЦИЯХ, О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ, О ВЕРНОСТИ ИДЕЯМ ОТЦОВ

Апрель 1921 года был для владивостокских рабочих месяцем суровых испытаний. В городе и окрестностях, пользуясь тем, что регулярные войска Советов ушли на фронт, зашевелились белые офицеры, семеновцы и каплеводы. Японцы, нарушив свое обещание не вмешиваться во внутренние дела Приморья, всецело поддерживали белых. Становилось ясно, что сватка неизбежна. В это время областной комитет партии и порекомендован недавно созданному обкому комсомола организовать военный всеобуч среди членов Союза. Владивостокская комсомольская организация отлично справилась с заданием: учебный батальон, названный именем Карла Либкнехта, немедленно приступил к военной подготовке. Однако существенно повлиять на положение дела он уже не мог. 26 мая Белогвардейские офицерские роты превосходящими силами атаковали красных и вынудили их отойти. Для того, чтобы сохранить лучших рабочих и дать им возможность уйти из города и соединиться с регулярными частями, нужно было хоть на сутки задержать Белогвардейцев в городе. Приказ во что бы то ни стало удерживать дорогу, не дать Белогвардейцам зайти в тыл и отрезать пути отступления получил комсомольский батальон.

Командир батальона Иван Захарович Сидоров и комиссар Александр Васильевич Баянов, секретарь обкома комсомола, вывели своих бойцов в район Малцевского базара и в отчаянных баррикадных боях задержали отнюдь обученных белых офицеров до ночи. Выполняя приказ, они оторвались от противника и ушли на соединение с основными силами партизан и регулярных войск.

Заклятые, не раз глядевшие смерти в лицо бойцы батальона все-таки пробиваясь к своим, объединившись с другими комсомольскими частями, батальон стал отрядом имени Карла Либкнехта.

Пять лет назад, на старте Всеосюжного похода по местам боевой и трудовой славы советского народа, Владивостокская городская комсомольская организация решила восстановить в памяти сегодняшних юношей и девушек героическую страницу прошлого — создание и боевой путь комсомольского отряда. вновь был создан комсомольский батальон имени Либкнехта, кото-

рый должен был пройти дорогами своего предтечи. Мне довелось быть одним из руководителей первого похода.

Хочу признаться, что в то июльское утро, когда 116 бойцов батальона собрались под знаменем, на котором шелком были вышиты две даты «1921—1965», настроение у меня было далеко не безоблачным. Время летних отпусков, время студенческих каникул, как казалось мне тогда, самым отрицательным образом сказалося на формировании батальона. Отсюда не лучшим комсомольцам, как планировалось первоначально, выпала честь начать поход. Состав батальона получился пестрый: рабочие, учащиеся школ, производственно-технических училищ, студенты. Уже в первый день бросилась в глаза группа девушек, показавших мне невозможную легкомысленность, с настроением скорей для веселого пикника, чем для серьезного дела. А ведь нам предстояло не только пройти по тайге и сопкам, но и поработать: встретиться с местными жителями, соорудить памятники там, где их нет. Комиссар батальона, как и сорок четыре года назад, был Александр Васильевич Баянов. С ним я и поделился своими сомнениями.

— Не робей, — сказал комиссар, — дорога покажет, дорога и научит...

Комиссар оказался прав. Уже потом, по окончании похода, я прочла запись в дневнике, сделанную одной из тех, как мне показалось, не в меру веселых девушек. Вот она: «Вечером мы идем на могилу Коли Телтинкова. Мы идем по улице, где в последний день жизни шел он. Вокруг все обкомовское. Также, как всегда... Но, может быть, именно здесь, на этом месте, отстреливался Коля, может, именно этот кусочек неба видел он в последние минуты. Мы положили на его могилу полевые цветы. Мы молчим... Каждый думает... Что мы можем для тебя сделать, Коля? Ты сделала для нас все — отдала жизнь. Мы постараемся доказать, что не зря отдавали ребята жизнь в семидеять, что не зря по лесным тропам шли отряды. Теперь этой дорогой идем мы. Наш путь несравненно легче. нас не поджидают белогвардейцы, у нас не будет сваяток до последнего патрона. Мы идем, чтобы сохранилась память о тебе и твоих друзьях, которые отоварили для нас эти дороги и тайгу, сполночное небо, дали нам право на этот мирный поход по партизанским тропам...»

Я много думала тогда: с чего это началось, как обычный турпоход для автора записи стал чем-то неизмеримо большим и важным? Я не нахожу другого объяснения, чем то, что сформировала тогда для себя: эффект личного прикосновения к прошлому, эффект личного участия.

Я не нарушу как встречу и старую и новую дружбу с участниками гражданской войны. Они рассказывали о прошлом, и их волнующие бескуские рассказы, конечно, западали в душу бойцам батальона. Но ошутливый резкий перелом в настроении даже у самых равнодушных произошел в селе Ново-Нежино. Неподходяще от этого села при взрыве Броневская погибли два друга: комсомолец Андрей Грива и коммунист Сергей Сергеев. Наш комсар рассказал ребятам об этих парнях, показал соску, где они были похоронены. С подножие е наши мальчишки взяли по большому белому камню, девушки собрали цветы. Началось торжественное восхождение к вершине. Временный памятник, конечно, не был особенно монументален. Но от начала до конца мы сделали его своими руками. Когда работа была закончена, двум бойцам батальона, недавно вступившим в комсомол, были вручены билеты... В этот день впервые на глазах ребят и видела слезы.

В 1920 году Сергеев Лазо был сказаны слова, которые мы никогда не должны забывать: «Вот за эту русскую землю, на которой стою, мы умрем, но не отдадим ее никому».

Этот действительный, готовый к любому подвигу во имя Советской Родины патриотизм мы должны воспитать в каждом юноше, в каждой девушке нашей страны. Благородная задача эта в условиях Приморского пограничного края является особенно острой и насущной. Героическая история дальневосточного комсомола указывает пути ее осуществления. Память о погибших героях должна жить в сердцах живых; от факела, зажженного ими, можно и нужно замахнуть душой сегодняшней молодежи.

Вся история, очевидно, заключается в том, как это сделать с наибольшим эффектом. Всесоюзный поход по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа — отличная педагогическая находка в этом смысле. Он позволяет сотням тысяч молодых людей лично прикоснуться к героическому прошлому. Наш опыт говорит о том, как важно, чтобы это прикосновение было связано с конкретными делами и работами, с тем классом молодежи, который принес репутацию на могилу погибших. При этом воспитание патриотизма отнюдь не всегда мы связываем с дальними походами, с той порой искусственно создаваемой романтикой, без которой мы боимся шаг ступить. Главное здесь — внутренняя связь своего дела.

Однажды во Владивостокском горком комсомола пришел озабоченный замполит одного из профтехучилищ: «Помогите встряхнуть комсомольскую организацию, повысить у ребят чувство ответственности, гордости за свое училище... Основное перед самой войной, оно в это время готовилось отменить свой кабинет. Следовательно воспользоваться этим обстоятельством. Но как?»

Мы посоветовали рассказать выпускных учеников, участников войны. Это мысль понравилась. В выходные направилась два девушки-ученицы. Они привели мысль, которая восхитила все училище. Основательница в своем первом учебном пункте в полной составе — учителя и воспитанники — ушло на фронт. Ребята зовуты выяснить, кто погиб, кто жив. Первоклассники сотни документов...

Нет, не лучше были направлены в воинский. Бригада, которая работала там, сообщила из нее комсомольскую массу. Когда ребята маленького села Гончаровки, где вся организация — несколько человек, привнесла за дело, они и не предполагали, какие волнующие открытия ждут их. Село, повторяю, небольшое, со времени строительства колхоза в нем много умирло, погибших в войну, и никак не записанная история колхоза стала уже забываться. Но все же сельчане сохранили память о молодых партизанах Сергее Ковале, секретаре комсомольской организации, который первым вступил в колхоз и уговорил вступить в него само село. Вскоре его ученики уехали. Люди помнили, как потом чекматк удачно выплыть Сергеевичи убились, и как их везли через село, и крестьяне, особенно женщины, жалели маленького парня и его мать, забросали бандитов камнями. Это, пожалуй, все, что удалось узнать ребятам на первых порах. Понадобилась большая и кропотливая работа в архивах, опрос многих свидетелей, пока не стало ясно, что Сергей был природственным агитатором, умным, страстным, увлекающим и что именно за эти качества его так любили ненавидели враги.

Комсомольцы маленького села всколыхнули весь район: Сергею Ковалю надо воздвигнуть памятник! Парни и девушки окрестных сел их поддерживали, и сейчас в районном центре, в селе Новая Покровка, на средства, заработанные в колхозе, поставлен памятник природному агитатору. Для нас абсолютно ясно: действительный патриотизм невозможно воспитать, если единственное тво оружие, твой педагогический инструмент — слово. Велико, конечно, значение устной пропаганды, но главным в конечном счете является такая организация жизни молодежи, при которой патриотическая закладка является следствием, неизбежным производным от ежедневных дел.

Многие комсомольские организации предприятий шестидесят лет военными организациями. Долгое время отношения эти были односторонними. Комсомольцы бывали в гостях у воинов, привозили им подарки, рассказы-

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального комитета ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 20 [1042]

ОКТАБРЬ
1970

Имя и обложка: Юный пожарник.

Фото Мирослава МУРАЗОВА

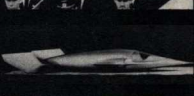
Фоторепортаж «Не робейте десятилетие» — на страницах 20—21.

2 КЛЯТВА У ПАМЯТНИКА. Репортаж с праздника посвящения в парадки.

12 РАССКАЗ О ХАРЬОВСКИХ СТУДЕНТАХ — СОЗДАТЕЛЯХ СВЕРХСКОРОСТНЫХ ГОНОЧНЫХ АВТОМОБИЛЕЙ.

16 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. БЕЛЫЙ КАМЕНЬ ОЗЕРА. Фоточерк.

22 БЕСКОНЕЧНЫЙ ПОЛЕТ КОПЬЯ. Очерк В. ВИКТОРОВА об олимпийском чемпионе Янеше ЛУСИСЕ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ВСЕСОЮЗНАЯ ТРУДОВАЯ ВАХТА МОЛОДЕЖИ
В ЧЕСТЬ XXIV СЪЕЗДА КПСС.
«ВИЖУ ЗЕЛЕНЫЙ!» РЕПОРТАЖ
О БУДНЯХ МОЛОДЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТЮЗ —
ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

РЕПОРТАЖ О ДЕЙСТВИЯХ РАЗВЕДЧИКОВ
ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК СССР
ЭЛЕКТРОННЫЕ МАШИНЫ И ИСКУССТВО

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долгатовский, К. И. Замощин, Ф. О. Казаков, А. П. Кулешов, А. А. Лавров, А. А. Лихачев [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], Е. И. Рыбачков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник Г. С. Терзибашьянц

Технический редактор М. Э. Шалаева

вали о своей жизни. Встречи на гражданской территории, как правило, вымывались в вечера отдыха. И наиболее прочные отношения складывались там, где «дневная» организация находилась с оркестром.

Нам представляется, что армейский и флотский комсомол уже перерос это положение пассивных подшефных. Опыт показывает, насколько велики резервы обратного влияния, исходящего от возможности подлинно равноправной дружбы. Речь идет только о благоотном влиянии армейской дисциплинированности, подтянутости, героических традиций советских воинов. Речь еще идет о приобщении ребят к этим традициям через стрельковые, военно-технические кружки и секции, вести которые могут и должны комсомольцы армии и флота. Такой опыт у нас уже есть, и он приносит отличные результаты.

Вместе с тем мы идем возможности «прикоснуться» к армейской и флотской жизни для самого широкого круга молодежи. Так возникла мысль назвать один из больших противолодочных кораблей Краснознаменного Тихоокеанского флота «Благодостоком». Командование нас поддержало. И когда разговаривал с командиром эскадры в гавани Владивостока, сотни комсомольцев побывали на его борту. Их привлекли мужественные, обветренные ветрами трех океанов моряки, их сверстники, побывавшие под флагом нашего государства во многих иностранных портах. Десятки летучих комсомольских собраний, в повестке которых стоял один вопрос: «Быть патриотом, разговаривая своей Родиной и уметь защитить ее» — стихийно вспыхивали на борту «Благодостока». Моряки показывали современную судовую технику, рассказывали о своих зарубежных впечатлениях, о том, какими уважением пользуются советский военно-морской флот на всех морях и океанах.

Это был поистине прекращенный урок гордости за свою Отчизну, создавшую величайший современный флот, за наших моряков, отважных, образованных, умных.

Я уже говорила, что одной из целей похода батальона имени Карла Либкнехта было обнаружить места захоронения героев гражданской войны и соорудить на временно занятых местах первый поход по кладбищу в начале этой работы. Тогда на карту края комсомольцы нанесли 300 захоронений и памятных мест. Потом к этой работе по нашей просьбе подключились художники и скульпторы Владивостока, Артема, Уссурийска, Сучана. По их эскизам и проектам, сделанным чаще всего на общественных началах, и на средства, заработанные комсомольцами и молодежью, за последние пять лет сооружены и возведены 266 памятников, 165 мемориальных знаков. Такие из них, как памятники герою гражданской войны Виталию Бонину, Марии Цукановой, санитарке, Герою Советского Союза, во Владивостоке; отважному комсомольцу, под пытками не выдавшему партизанские тайны японцам, Кривонозю Коренному и в районе младшеулиц лейтенанту Ивану Калининну в Пограничном районе и в районе Южного берега — подлинно украшением городов и сел, являются настоящим произведением искусства.

Здесь необходимо упомянуть о тех гражданских патриотических обрядах, которые все активнее утверждаются в нашей жизни и которые благодаря произведению искусства — памятникам и мемориальным знакам — приобретают свой особый, эмоциональный характер, создают эффект личного прикосновения к прошлому.

Память о героях, погибших за свободу и независимость нашей Родины, всегда жила и живет в людях. Преплодение перед павшими бойцами и является одним из выражений лучших патриотических чувств народа, его мироощущения. На протяжении десятилетий, например, первое воскресенье августа — один из дней памяти о героях гражданской войны — с утра собираются на озере Хасан. Не только из Приморского края, но и из соседних областей на кладбище, где они похоронены, съезжаются их друзья, родственники, приходят молодые и старые люди из соседних сел. Это трогательный, стихийно возникший обряд жести и сегодня. Но он наполнился новым содержанием, особым смыслом, когда на высокой сопке, царящей над местностью, был сооружен памятник погибшим героям.

Родина, конечно, начинается с того места, где человек родился, но патриотизм — явление более глубокое, он включает чувство братского родства со всеми людьми страны, с ее городами и селами, с ее могучей промышленностью, бурно развивающейся культурой.

Мы живем на самом краю той земли, которую называем Советским Союзом. Здесь рождается утро нашей Родины, и здесь ее граница. И надо жить вместе с нами, чтобы понять нашу гордость за то, что за твоей спиной такая большая, такая могучая страна. Это почти физическое ощущение — за твоей спиной страна, и какая страна! — один из источников нашего особого дальневосточного патриотизма. Но чего греха таить: многие молодые люди забывают об этой стране, ее величии, ее богатстве, ее культуре, ее радостях и телевидения. Это много и мало одновременно. Потому что никто так не укрепляет наших родственных связей со всем народом, как личное знакомство с его жизнью, с его трудом.

В этой связи внутрисюэтный туризм представляется нам воспитательным инструментом особой ценностной направленности. К сожалению, комсомол еще не владеет им с достаточными мастерством.

За короткое время в нашем крае большую популярность приобрели специальные туристические поезда «Тихий океан, идущие на запад. В течение пяти лет профсоюзные организовали 15 таких поездов. Тысячи приморцев познакомились с городами, о которых прежде только слышали: с Ленинградом, Ригой, Горьким, Таллином, Волгоградом и Сочи. Все путешествие в этих поездах, как правило, оставалось в основном на маршруте. Но маршруты этих поездов не всегда отражают пожелания молодежи, да и стоимость таких поездок еще высока для студента, молодого рабочего, хотя ясно, что можно и нужно организовать молодежный туризм внутри страны, сделать маршруты интересными и общедоступными. Везд и рижане и горьковчане хотели бы увидеть наш Владивосток, наши морские сопки. И я знаю, что этот интерес к не виденным еще городам, полям, селам — не праздный интерес, это проявление огромной любви наших юношей и девушек к Родине. Поэтому линия гражданственного патриотического воспитания не случайная в нашей работе, а является выражением глубинных запросов нашей молодежи.

Есть такая закономерность: чем больше поставленная работа по патриотическому воспитанию означает прямой рост авторитета комсомола. Там, где широко и постоянно проводятся походы по местам боевой и трудовой славы, где хранится память о героях, неуклонно растут ряды организации, все больше юношей и девушек связывают свою жизнь с нашей Союзом.

Далекий Сергей Лазо горит в душе наших молодежи. Наша задача — сделать так, чтобы чистое его пламя светило высоко и ровно.

Валаше Дороти не было. Далекий был Ладого. Бескрайняя, словно море, и, говорит, такая же бурная и жестокая в непогоду.

— Месье у земера, разорванным пумукомодом поднимались, к ибуру бетонные дуги универсальной памятишка. Он стоит как символ нечеловеческой стойкости и мужества бойцов, не давших врагу сомкнуть в этом месте оборут баюдады вокруг Ленинграда. Здесь проходила в годы войны знаменитая «Дорога жизни». Летом по автодорожке Ладогоского озера, зимой в зимних машинах по алау из осаждаемого города эвакуировались больные, старики, дети. А обратными рейсами везли продовольствие, ботприпасы, медикаменты — все, что нужно для жизни города-крепости, города-фронта. И все это под непрерывными бомбежками и обстрелами. Все это, отбивая атаки, замерзая, борясь с водой, поступающей в пробыины, сбывая моточисленные грешпы по алау, полагаясь. Да, скольких шиферов, речников, бойцов охранения эта дорога стала последней... И мемориал на озерам берегу — их памятник.

Первыми вышли из машины ветераны-автомобилисты, работавшие когда-то на необычной ледовой трассе. Петр Афанасьевич Пясуку, Зинаида Ивановна Григорьева, Федор Иванович Краснов, Алексей Александрович Мартенко. Не стоварившись, направилась к бетонным дугам мемориала. За ними выпала из автобусов и молодежь.

И вот они стоят на берегу друга трети друга — строй подтянутых, чутко ценоватых ребят и группа ветеранов с седыми на висках и ордами на груди. Последняя минута перед ритуалом. Как она похожа на минуту восстановления о самом главном для человека — о жизни и своем месте в ней!

— Мать рассказывала о страшной зиме сорон первого года. Вполне может быть, что от голодной смерти спас ее кто-нибудь из этих шиферов...

«Вот она, горюшка... Тут и скорпион был тогда нашего летчика. Обиго «мессера» он срезал, а от второго ни ушел, не успев уйти. Как изловить меня от бесчисленной злости, когда ни морей, ни гаваней, ни флота, ни авиации, ни лота, прыгнувшего с парашютом...»

«Никому не нужно быть лодком, чтобы везти машину по алау, который в любую секунду может превратиться под обстрелом, под бомбами в лодку тойкой — десятим метров ледной воды».

«Знаю, конечно, мне навеки эти слезы. Ночь, весения вода уже накрыла лед. А ты идешь перед машиной с ланкой, черт знает везу машину. Нет ли по ланке? Выглядит ли ледвация брешь? А потом как сидеть за баранкой, не чувствуя обомороженных ног, а напарник тычет перед машиной ланкой и черную воду. Ты идишь за ветром, ищешь. Выбравшись на берег — и сиря не увидишь. Ветер нас метает, вы иду обилия у своей полуторки и заплакали. От слабости, должно быть...»

Наверно, нет нужды повторять простые и торжественные слова, которые произносили ветераны во время этого необычного ритуала. Говорят, когда-то, поспавшая в рыцари, ударила мечом пламя по плечу. Здесь старые шиферы, рыцари автомобильных дорог, принимают клятву в верности своему святому «сердцу» от новичков — выпускников Ленинградского автомобильного факультета № 31.

Знамена, музыка, речи начальника Гавенцагирогаса, тоже бывшего шифера «Дороги жизни», Александра Федоровича Иванова, Героя Социалистического Труда Федора Ивановича Краснова. Напустывая, вручили молодым рабочим подарки. Но самое, пожалуй, главное началось после, когда как-то сами собой образовались волею каждого ветерана группы молочки. И начался воспоминания, рассказы о нелегком вольтерском труде о машинах и дорогах. Хороших и тех, которые начинаются там, где кончается асфальт. Некоторые проверяют тебя «на зуб»: настоящий ли ты шифер и человек.

Не хотелось прерывать эти разговоры. Хотелось просто слушать, глядеть на ребят, впитывающих каждое слово, переспрашивающих, задаво-

них вопросы. Чувствовалась какая-то удивительная праздничность этого дня. И как же они молоды, эти умудренные опытом люди, что сумели просто и изящно создать такую атмосферу, в которой ребята вдруг почувствовали себя среди них своими!

Невидимый меч был поднят и символически опущен на плечо каждому. Как волшебная палочка доверия, дружбы и того удивительного братства, которое объединяет людей одной профессии. Обманет ли кто-нибудь из нынешних новичков это доверие? Не будем гадать. Ясно одно: переступить через эти незримые узлы человеку будет куда труднее. Дочь на берегу Ладоги, там, где у сурового военного наметника он вошел в семью людей, дружба которых спаяна кровью, запомнится на всю жизнь. В этот день в разговаривала со многими ребятами, руководителями училища, мастерами.

ДИРЕКТОР Н. С. МЕНКОВ:

— Мы считаем, что подготовить хорошего специалиста — задача. Нужно, чтобы это был и человек отличный, а главное, чтобы это был наш сопереживающий советский работник. Знаний, интуитивный, с широчайшим диапазоном интересов, умеющий в случае надобности взять на себя руководство разрабатывающий в заначки развития общества.

Чтобы вы поняли принципы нашей воспитательной работы, приведу пример из области, казалось бы, совсем далекой от профобразования. Из театральной практики. Вы, наверное, слышали, что знаменитый наш режиссер Георгий Александрович Товстоногов отрицает необходимость интересного зрелого. Говорит — не нужно это разделение на престанов, репертоар, благородных отцов, злодеев и прочих! Ведь человек, работающий в своем амплуа, быстро набирает форму. Творчество исчезает, остается ремесло. И режиссер очень часто доверит роли артистам, казалось бы, совершенно для них не подходящие. И те, оправдывая это доверие, делают буквально чудеса. Они вынуждены искать для себя новые пути, средства воплощения образа. Но это — уже творчество, а не ремесленничество. нечто похожее применяли и мы. Не бесконтрольно, конечно. Предлагаем работавшим ситуациям, в которых надо пошевелить мозгами, проинвентаризовать их сменных профессий, умение организовать дело, руководить им.

ВЫПУСКНИК ВЛАДИСЛАВ КОНСТАНТИНОВ:

— Хочу сказать о взаимовыгодности. Бывает так. Одному человеку легче дается мотор машины, другому — электромонтажные работы. На практике мы всегда распределялись так, чтобы в случае чего помочь товарищу. Он, если надо, тебе поможет, так и чувствуешь любовь соседа все время. Готового, как и ты, прийти на выручку.

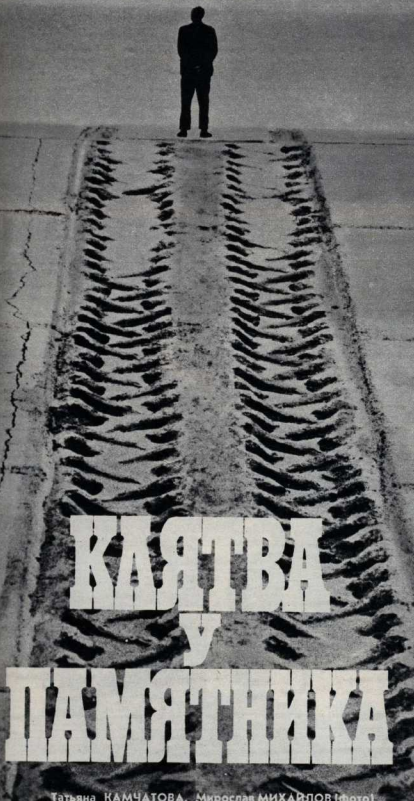
ВЫПУСКНИК ВАЛЕРИЯ БУЧИНОВ:
— А у меня все в роду шоферы. И дед за баранкой сидел и отец. Батька сейчас иногда по мне за консультационный обращается. Особенно если дело касается майки-нибуды новой машины.

Рассказала мне и о том, как ребята сами придумывали для себя форму — заманчивые темно-синие костюмы с эмблемами на рукавах и окладными на фуражках. Рассказали и о том, как они агитируют школьничков поступать в училище. Приходит на перемене такой цеслав в класс и разговаривает где-нибудь в коридоре со старшеклассниками. А потом, глядясь, появляются в училище несколько парней и говорят: «Хотим поступать. Вых у нас Володя Бабкин, здорово рассказывал об училище...»

Сам Володя Бабкин сейчас заместитель секретаря комитета комсомола. Он много говорит о росте организации, о спортивных успехах своих друзей, о клубе «Молодой патриот», о друге Валерке Константинове, который отлично играет на трубе и будет кончать музыкальную школу.

— Ну, а ты-то где-нибудь будешь учиться дальше? — спросила я его.
— Обязательно! Есть у нас в Ленинграде индустриально-педагогический техникум. Готовят мастеров профобразования. Хочу пойти туда. Буду сам ребят воспитывать, готовить из них хороших слесарей для заводов или для транспорта.

Кончился праздник посвящения в рабочие. Теперь выпускники разлучатся на разные предприятия Главного ленинградского управления автомобильного транспорта. По-разному сложится их судьба. Но вернется, что их жизненная трасса, знаменаясь здесь, у легендарной «Дороги жизни», будет прямой и светлой.

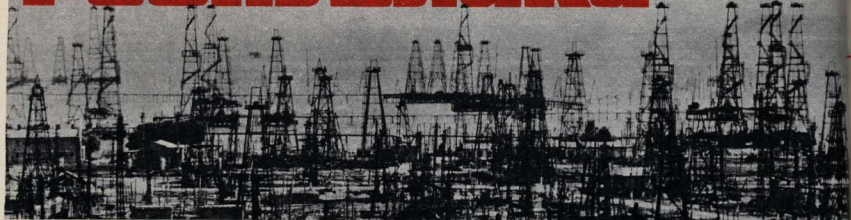

КАЯТВА У ПАМЯТНИКА

Татьяна КАМЧАТОВА, Мирослав МИХАЙЛОВ [фото]

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ РЕСПУБЛИКИ

•
Идет нефть Апшерона.

•
Продукция Сумгаитского трубопрокатного завода предназначена для нефтяной промышленности страны.

•
Кожможака Вафа Масимова — лаборантка Шекинского шелкового комбината.

•

В эти октябрьские дни на солнечной земле Азербайджана празднуется большая дата — 50-летие республики и ее Коммунистической партии. Это торжество стало ярким событием в жизни всего советского народа. Энергично, уверенно шагает вперед молодежь Азербайджана, ставшая по призыву партии и комсомола на предельно трудную вахту. Юбилей республики убедительно подчеркнул преданность юного поколения идеям Ленина, верность делу отцов, готовность к новым подвигам во имя победы коммунизма.

Джахан АФРУЗ

Моя земля

Моя земля в цветах зимой и летом,
И не собрать в букет, не считать.
Не замести их ни дождем, ни снегом,

Руквами в одночасье не собрать.
Припоспелая вглядитесь в море — наше —
Хочет ветер зминый и сбивает с ног,
Хребет волн все яростней и краше —
Чем не расцветший по весне цветок!
Чем не цветы Геккеля в разгаре лета,
А облака степные — в сентябре...
Вы посмотрите, розоватым светом

Мерцают наши скалы на заре,
И за цыпями вас принадежд, люди,
Жнущие в республике моек...
Вот девушка, покаяна на лютни,
Прокроит мимо юных тополей,
Процветет человек — напомянит чем-то
Цветок, расцветший в уречных горах.
В любую пору, и зимой и летом,

Все лучше земля — в моих цветах...
А вот с любовью
Ее глаза, как вечерний цвет, нежны...
Мы плачем — он венок единый,
В венок любви и дружбы сплетены!

Перевела с азербайджанского
Варвара КОНСТАНТИНОВА.

ТЫ ЕХАЛИ К СЕВИЛЬ

из МЕСКИ

Это было в 1921 году...

23 СЕНТЯБРЯ, В. И. Ленин руководил заседанием Совета Труда и Оборона, на котором был заслушан доклад Г. М. Орджоникидзе об окончании Муганской степи: принято решение и направлено на рассмотрение в Госплан.

30 СЕНТЯБРЯ, В. И. Ленин председательствует на заседании ЦТО, на котором обсуждался вопрос принятия по организации работ на Мугани. Ленин подписывает мандаты С. Богатыреву и Ч. Инфрану, направленные в Азербайджан в качестве уполномоченных ЦТО для организации работ на Мугани.

21 ОКТЯБРЯ, В. И. Ленин руководит заседанием ЦТО, на котором обсуждается внесенный Лениным вопрос об отпуске Азербайджанской ССР средств на проведение мелиоративных работ на Мугани.

Это было в 1922 году...

ОКОЛО 1 ОКТЯБРЯ, В. И. Ленин принимает члена Президиума А. Ф. Масисова и в беседе с ним советует обратить внимание на развитие хлопководства в Закавказье и в особенности на Мугани.

4 ОКТЯБРЯ, В. И. Ленин руководит заседанием ЦТО, на котором было принято решение об ассигновании средств на организацию транзитного парка на Мугани для развития хлопководства.

17 ОКТЯБРЯ, В. И. Ленин руководит заседанием ЦТО, на котором было принято решение о передаче десяти тракторов Управлению мелиоративных работ на Мугани.

Когда едешь на Баку в Мугань, то сначала кажется, что время отбросило тебя назад. Шумный, яркий город остался позади. Каспийское море с нефтяными вышками на воде тоже далеко. Горы никуда. Вокруг равнина, выжженная солнцем. А главное, стелющаяся у дороги серой шорой, по-рождению соленой земли, не нужна никому, трава — ни людям, ни скотине, ни птицам, ни полевым мышам. Конечно, где-то там, невдалеке с дороги, пашни, где-то возделанные поля. Здесь только шоран. И как хотие, но это говорит о том, что мы еще сквазно богаты, если до сих пор не прибрали к рукам эту землю, всю, до

самой дорожной полосы. Это говорит о том, что работы у нас еще непочатый край и очень нужны такие люди, как Севиль.

Знаете ли вы Севиль? В одной руке — коробочка хлопчатника, другой подглядывает фару машины. Эта девушка — азербайджанка. Ее бабушка в ве годы боялась показывать людям лицо... Может быть, вы читали поэму «Дочь солнца» Наби Хазри, отличную поэму, которую отметил своей премией Ленинский комсомолец! Это о Севиль. А бронзовая голова на безальтовой стене? Весь Баку знает ее. И это она, Севиль. Мы были у автора — скульптора Минавера Раевой. Минавер рассказало о том, как долго она искала свою модель. Перебрала много фотографий.

— И вдруг я увидела ее... рассказывала Минавер... Девдэт девушка выстрелила в ряд, как обычно у нас, в азербайджанских селах — в косички, а длинных юбках, жмутся друг к другу, стесняются. И одна только Севиль стоит в рабочем броске: стройная, спортивная, глаза озорные, и вся она кажется открытой...

Эту мысль и эту любовь мы прочли в работе скульптора. Она вызывает желание узнать о человеке больше, чем говорит портрет. И вот мы едем по Мугани к Севиль.

Одна равнина кончается, другая — начинается. Глазом не различишь. Но вся эта громадная плоскость в дурнечье Аракса и Куры называется Мугань, та самая, о судьбе которой думал В. И. Ленин.

Ленин не бывал в Мугани. Это-то и поражило бакинцев, разговаривавших с ним о Мугани. Да, у них, у нефтянцев, немало своих работ. Но разве их было меньше у Лениной! Он рассказывал нам про их Мугань, и просил, и требовал: нельзя мириться с тем, чтобы земля, когда-то преданные огню и мему, выжженные со всеми своим крепостям и посевам дотла, оставались всецело мертвыми. Нельзя мириться с тем, что солнечные лучи льются на шоран, а не на хлопок, пшеницу, виноград. Правда, в Мугани не было воды. Об этом Инжу Хлопковал: Мугань надо оросить! И он активно помогал, посылал деньги, мануфактуру, сахар, лес для ковчегников, чтоб они покосере строились, оседали на земле. Можно лишь представить теперь, как по этой же самой пыль-

ной дороге скакали в степь первые посланцы Ильича как вслед за ними тащились арбы с тюками сена, грохотали «фордоски». А в старом иванерский день, когда гроб с его телом внесли в деревенный мавзолей на Красной площади Москвы, другой гроб (символический, разумеется!) муганцы опустили в яму у себя в Сельнах, в степном городке, в маленьком сквере, который теперь носит имя Ленина.

Мы ехали к Севиль через этот городок. Он стоит на берегу Куры. Кура здесь широкая, медлительная и вялая. Привал к ней, как буйволы на водопое, сосут ее восемь мощных миссов 1-го Головного сооружения. Но есть и 2-е Головное. Вместе они забирают у Куры десятки кубов воды ежедневно. Вода не идет своим ходом. Надо ее подгонять, толкать по каналам и коллекциям на дороге, чтобы она в один миг пошла землю, а в другом промывала ее от соли, лишешего муганского врага. Большое, сложное хозяйство с множеством промежуточных станций управляется с одного пультя одним диспетчером. Здесь тихо, мигают на панелях сигнальные огоньки. Это значит, что где-то, скажем, за пятнадцать километров, в Хоп-Карабузине, открываются шлюзы и вода Куры журчит по хлопковым полям. И это значит, что муганцы достигли высокого уровня культуры мелиорации, потому что просто каналы рыли и во времена библительных шахов. А здесь всю эту систему мелиорационного орошения смонтировал сальский инженер Фирдоус Раев, который сейчас далеко отсюда, хотя то место и называется Ближний Восток. Словом, он на два года «отпочковал» в Иран — помочь друзьям, что поделывал, Мугань становится шлоком.

А мы продолжим свой путь, и на этом пути — Савран, одно из тех редких, чужих мест, которые все-таки стояли в степи до Октября, от которых, как от корня, поднялась теперешняя Мугань. Стало быть, есть на Мугани и старожилы! Таков Кудрат Самедов, сарванский житель, председатель колхоза имени Низами. Когда здесь появились первые хлопковые поля, Кудрат принял инициативу для Мугани дело, как совет: возделывать хлопок, звал и учил других. Как лучше? Сборщика хлопка его послали на первый в нашей стране колхозный съезд в Москву. Представьте себе, как он возвращался со съезда, как

его тогда встречал Сарван! Теперь поездками в Москву никого не удивишь... Вот и сегодня в четыре часа утра вернулся Кудрат из Москвы, а через несколько часов мы нашли его на хозяйственном дворе. Вместе поехали на поля. Кудрат рассказал, что давно уже село будет поутру десяти моторов, а не пенки летуков. Рассказал, почему колхоз награжден орденом Ленина, почему сам он носит Звезду Героя Социалистического Труда... Мы стоим с ним посреди дороги. Справа тянутся ровные сточки недавно политого молодого хлопчатника, а рядом ковыляющие и бегущие телята. Стенной ветровкой порывами толкает в лицо душную хлебную волну. Кудрат молчит. И приятно смотреть на него. Приятно знать, что много в Мугуни пошло от него. И характер носил тоже. Вместе сидели они на активах и слетах, он — убеленный седином, она — чернокожая комсомолка. А когда Севиль шла на трибуну сказать свое слово, Кудрат, наверно, улыбался и качал головой: «Ничего, девочка, не робей!» Севиль говорила всегда смело, звонко, а заканчивала речь стихами. Севиль писала стихи.

— Может быть, не стоит беспрестанно удаляться этой повелевающей, новой землей древней Мугуни, этому новому, с иголочки, городу Жданову. Севиль жила в этом городе. Поэтическое состояние души ее выражали и стихи, и улыбка, и горячие дела ее на полях родного села.

Она пришла в союзок в предтекущую в 1960 году. Ей было 20 лет. Давали машину ХСБ-1,2, и она стала убирать хлопок. Огромный пятитонный корабль и маленькая девушка!

Раздаются голоса, что это не девичья работа. Что именно но девушка! Сидеть, рвать! Но, может быть, девушка больше должна гнуться в три погибели и накалывать пальцы о жесткий хлопковый коробок?... Очень скоро Севиль стала бригадиром. Ей дали сто гектаров. Работала успешно. Получила от союзаок премию: автомашину «Москвич».

В ту осень погода стояла неважная, хлопок созревал неравномерно. И однажды сказала Севиль директору союзаок Керему Кулиеву:

— На участке Харамы много, но робей! Сажай коробок. Сначала я помогу твоей бригаде, а тем временем мой хлопок созреет.

23 сентября она начала собирать у себя. Через два дня собрала восемнадцать тонн. Через три недели совхозный вымысел. На следующий день были гости из районного центра, из Баку. Севиль не останавливала машину, только кивала им со своего высокого мостика. Стало вечереть. На полях стало собираться утки.

— Севиль, кончай!

— Сейчас, еще один завод...

Маленькая сестренка Сова попросилась на мостик. Севиль, циннула на нее, вышла. И двинулась по полю далеко — на тот край.

Прошел час. Слышен шум мотора, а машина стоит на месте. Звать бесполезно. Тракторист Ганимат побоялся уходить, в чем дело...

Это случилось шест в тридцати от дороги, около лягушечьей ямы. Севиль увидела на щитке, у руля, сигнал: забита левая сторона приемной камеры. Она остановила машину, но уборочный аппарат не выключился. Поминула сигнал, вышла к приемной камере, присела и открыла окошко, вынула застрявший шток. Затем хотела было подняться на ноги, но затылком коснулась карданного вала. У Севиль были длинные косы. Вал захватил их... Вал делает девятсот оборотов в секунду!

Мы видели эту машину. Она стоит в парке. На ней не работает никто. И вообще эти машины устарели, а в новых сериях (союзок написал об обстоятельствах гибели Севиль) кардановый вал упрятан внутрь... Мы видели полевой стам с двумя деревьями вишни, которые посадила Севиль.

Когда она погибла, ей было 23 года. Она не знала, что теперь на Мугуни есть союзок имени Севиль Газизовой, что посмертно ей присвоили звание Героя Социалистического Труда, а в Баку, в сквере ее имени, у ее бронзовой головы с косами, которые не пускает стена, юноши и девушки дают присягу верности Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодежи. Она не знала, что сестренка ее Сова и брат Ибрагим закончили профтехучилище и садят, как и она, и рулю хлопкоуборочных машин.

Лучше, чтоб она была с нами, чтоб учила Соню, помогала друзьям, читала свои стихи. И мы ехали не в союзок имени Севиль Газизовой, мы ехали к Севиль. Мы познакомились с Малейкой Гарнеридиной, которая и теперь водит машину, как Севиль. Мы видели пшадский сад, в котором совхозные мальчишки собирали вишни. На виноградниках вызревали солнечные гроздья. В степи, под Ждановом, шумел лес, посаженный человеком.

НАВАЖИЯ ЮРИЙ ИВАНОВ СИГАРА

а кончиков Вовка вырубил зажигание, спрыгнула на асфальт и, раскрутивая ключ на тонкой цепочке, зашарил по первому асфальту.

В залесе был дескток минут, и Вовка шел не стесн пожимываясь солнышку и улыбаясь незнанию чему.

Поблизости кiosk был похож на аквариум, в котором сидела толстуха-продащица, четвергды отражалась в стеклянных стенках. Вовка останавливался у кiosка, собирался лечь в кармане, и улыбаясь. За стеклом ажалала окая иная игрушка. Солнце плясало на ее боках, переливалось

плавящийся серебром, звенело маленькими, несамыми колкалокалыми Странин, волдырями, сутре!

Вовка улыбался игрушке, вытаскивал денги и посмотрел на толстуку. Она ловко дала семечки.

— Берите, берите! — степенно кивнула толстуха. — Вышний сорт! Гаван! — А вы что предпочтаете, — спросила, улыбаясь, Вовка, «Гавану» или «Буну»?

— Семечки, молодой человек, — ответила она и вдохнула. — Также, между прочим, зараза.

Вовка сунул ей денги и взял игрушку. Плавящее серебро куда-то исчезло. И колкалокакие тоже. Остава спурающая целафонов, сквозь которую проседал вала загорающая сигара. Завыл, Гаван!

Вовка отнерид дорожку к автобусу, забрался на свое место и включил зажигание. Нерид село немного, человек шест. Вовка закрутил сигару и поминула Фиданю. Кастро везло улыбаясь ему с ветрового стекла и тоже курил сигару. Конечно, гаванску!

Ехать было легко, время ело раннее, у школьничков уроки не кончались, под колес некто не лезет. Вдруг смена дала сигнал — уроки доучивает. Вот через три гадки в оба. Тогда этот брат косяком пойдет. Старички и старухи лемя дома попортиться, чего-то жарко сезале, не по ним.

А жара и впрямь удивительная! Буаго не сентябрь, а июль на дворе. Одна примета — аисты. Эх, красотища! Вся Московская улица удислана кленовыми листьями. Катилась, как по персидскому коврику, только под колесом — шурш, шурш... Жалко даже ехать по такой красоте — желтое, красное, малиновое под ногими. А над головой — голубое небо и по нему — черные слугушки кленовых ветвей. И листья против света не цветные, а тоже черные. Красиво. Чистая тебе травора.

Возле автобусного парка Вовка увидел Самохина. Тот стоял на обочине тротуара, подвиг руку, смотрел на Вовку и улыбаясь. Остановился здесь не было. Вовка поморщился, но пригормозил и открыл переднюю дверь.

Самохин несело запрыгнул в автобус и крикнул:

— У бзны приторимой!

Вовка здохел снова поморщиться, но увидел в зеркалке, что Самохин смотрит на него, и сдержался.

Ох, и неприятный этот тип, Самохин. Здоровенный мужчина — вроде циркового борца, емга был молатобольком в кузово, а он калодощичей тот уже лет двадцать! И всегда по злому, четр рыжий! Вовка глянул на Самохина в зеркалке: ну, точно, ажал и шитина торчит. И если он говорит, что борца у него вырастет чета за четыре, так тот бртится не посвешены. Ребета рассказывают, кто-то с ним поспорил однажды. Принес в гараж бритву, при всех поборил его с урга, а к бкебу — точно — снова шитина выросла. С тех пор прозвали Самохина борцом.

У бзны Вовка тормознула снова, Самохин выскочил, бегущий рыжий шитиной. Даже не обернулся. Будто так и надо — высаживай его там, где ему хочется.

Вовка посмотрел вслаа Борода, из его борщовскую, чуть сутующую шитну и опять припомнил, как засек его однажды. А ипрочеи, засек лег! Не выборотил бы! — воспользовался Борода его, Вовкиной, простотой.

Как-то в парке перед выездом на линию к Вовке в автобус заскочил Самохин и крикнула дураливым томосом:

— Прокати, мез-а-брод!

Вовка тогда усмехнулся, захолинула дверцы, поминула Бороде в зеркалке: попасли, мол, и повез за ворота. Он думал, что Самохин будет стучать в дверцу и кричать, что попытка и пусть Вовка его выпустит — на работе все-таки. Но Борода сидел, ажурясь и улыбаясь.

На первой остановке, где Вовка брал пассажиров, он выскочил и на тротуаре, не таись, вытаскил из-за ремня, из-под куртки, какую-то железную, завернутую в тряпку.

«Вот брочка!» — подумала Вовка. — Упер затиска». Он усмехнулся и не привидя броче — этому особому значению. Но вот забыть никак не мог. Как увидит Бороду, так обязательно вспомнит.

Вовка вынул сцепление, и красный автобус поминался по мостовой. Время от времени гаванская сигара гасла, колда Вовка думалось о чем-нибудь и забывала ее поспешивать. Тогда ее снова зажигали ее в профраной и лине в верхний карман рубашки. Потом доставала снова и снова закуривала.

Ездла Вовка быстро, лихо работала баранкой. Он считал, что лучше alleine поминути постождать на остановке, чтобы люди спокойно вышли, севи, чтобы было время постождать еще немного и уж тогда ехать.

Когда у него было всеядное настроение, пассажиры тоже не скучали. Вовка всегда был знак, что происходит на его маршруте, а потому считал, что об этом должен знать и те, кто едет с ним.

— Дачник! — объявила по радио Вовка. — Следующая — кинотеатр «Октябрь». Между прочим, там идет новый фильм — «Морганн сезон». Студии «Мосфильм», Игратки Бавковис и Бакки. Очень советуем посмотреть!

Он видел в зеркалке, как улыбаются пассажиры, и иногда кто-нибудь и в самом деле сходил у «Октябрь» и, пока Вовка стоя на остановке, поднимался по лесенке в кинотеатр.

Тот из-за этого самого «Октябрь» и выпал раз у Вовки крупная неприятность. Ведь Вовка хвала только те фильмы, что ему нравились. А про плохие он тоже не молчал.

Как-то, отъезжая от Дачной, он снова сказал, что следующая — «Октябрь» и что в кинотеатре идет повторно очень плохая комедия «Осторожно, бабушки!».

Вовка так и сказал:

— Фильм, товарищи, очень плохой. Не советую смотреть его вам, да еще и второй раз!

Вдруг в Вовкиной кабине подбежал пассажир — раскрасневшийся трамвай в буаркушке и с газеткой — и закричал:

— Что вы понимаете в искусстве, молодой человек! Какое вы имеете право объявлять фильм!

Вовка не оборачиваясь, посмотрел на него в зеркалке и сказал в микрофон:

— Это, наверное, директор «Октябрь», товарищи! Ему надо план выполнять! Вовка как в волю галдела. Точно, это был как грех директор.

В автобусе засмеялись, и кто-то сказал:

— Правильно он говорит, плохой фильм!

— Плохой! — поддразнивал его.

Трамвайчик совсем раскраснел, на остановке выскочил, вышел на асфальт перед машиной, вынул карандаш и записал на газетке номер автобуса. А потом позорно, Вовке своей газеткой.

Вечером Вовку вызвала лезвильщик антарктика Селезнев. Увидев его, Селезнев выбрался из-за своей баррикады — широкого и длинного стола, крытого зеленым сукном, и громко расхохотался. Вовку это задело. Что за манера хохотать с то с тоги не с чего!

Потом Селезнев захлопнул свой огромный шерстяной рот, вытер слезы и сказал:

— А может, ты лучше в критики пойдешь? Мы тебе и характеристику такую выдадим — имеет, мала, пилитный стаж по избранной специальности! — И снова захохотал.

Вовка расхохотался и уже хотел повернуться, чтобы уйти, треснуть дверью, но Селезнев похлопал его по плечу и сказал:

— Возвращай-то ты прна! Мне эта картина тоже не того, не понравилась. Как же, «Осторожно, бабушки» или как!

— Бабушка! — поддаска Вовка.

Селезнев снова захохотал, но почему-то быстро остановился и сказал:

— Так что у вас с этой оденкой согласен, только не положено это, брат.

— Да фильм в автобусе тебе критиковать не положено, но и все.

— Где же логика! — спросил Вовка. — Фильм вам не нравится, а критиковать его нельзя!

— Логика? — удивился Селезнев. — При чем тут логика? Не положено, да и все. Что ты сторишь!

— А где это написано, что доложено во время работы нельзя критиковать фильмы! — спросил Вовка, закиная. — Вот по сторонам смотреть нельзя, а кино ругать — можно!

Селезнев снова уселся за свое баррикаду и влючила вентилятор. Потом влючил: Потом снова влючил. Потом сразу на Вовку и улыбаюсь. Не такой, оказывается, большой уш и рот у него. А что зубы попадались, так они у любого к старости выпадают.

— Ну, ну, — сказал Селезнев мирно, — валяй, дуи! Критикуй!

Он снова влючил вентилятор.

— А что, на самом деле, шоферу нельзя и мнение свое высказывать!

Изогнутым большим пальцем он потрогал передний зуб. Тот качался.

— Вот черт! — сказала Селезнев. — Выпадет! Ну ладно, иди, иди, Вовка! Это так. Не положено все-таки.

Он снова потрогал зуб.

— Нет, выпадет!

После этого разговор Вовка стал почему-то относиться к Селезневу с сочувствием. Как к безубойному старинке, который только кашу ест. И хотя на собраниях Селезнев из-за привычку говорить суровыми речми и все его помахивать похвалялся, Вовка смотрел на него уже без прежнего почтения, словно знала какую-то селезневскую тайну.

...Вовка снова вытешила «тавуру», закурила и посмотрела на часы. Было полчетверть. Скоро смеши конвет. Вот какай «тавура» оказалась. На целую смеши хвятило! Он улыбнулся опять Фильмчику и оии изволила дашле.

Вовка катил себе по двенадцати улицам, улыбаясь сам себе, объявила остановка да изредела погладывая в зеркалке: что за пассажиры едут. Вовка любил разглядывать пассажиров.

Погладывая к остановке, он всегда смотрел, что за народ ждет автобуса. Потом он разглядывала людей в зеркалке: как ведут они себя, не замечаю, что на них кто-то смотрит. Многих пассажиров он знал и знал. Особенно, конечно, двочнок.

У механического института всегда садилась жареные студентки в корнетиких юбках, с кожаными палками в руках. Они всегда чему-то смеялись, а когда Вовка износ тормоза, молча ему улыбаясь, вядло, цения его лихость.

Возле механического завода Вовка нарочно стала поладыве, поладива, не выдлет ни вдруг Люся с коммутатором. Он позначкался с ней случайно на танцах, узнала, что она не работат здесь, и была два везла ее до Центральной библиотеки. Правда, Люся на шофера не смотрела и даже и не знала, что без ее он, Вовка.

Вот и сейчас, подлезая к заводу, Вовка внимательно посмотрела, нет ли Люся. Ее не было. Вовка рассмеяна галдела в зеркалке на пассажиров, думая о Люся. Народу было много, они заповывали все свободные места, держали за никераванные поручни. Переводя взгляд с одного лица на другое, Вовка вдруг обмер.

Вот так штука! Костя Копыто! Знакомые довольно часто садилась в Вовкин автобус, и ничего особенного в этом не было. Но Копыто! Собственно, фамилия его была Белокопытная, а Копыто — кличка, которую пригласкала к нему еще тогда, на их старом дворе, золотом двенадцатыми дровниками.

Костя Копыто был старше всех мальчишек на дворе, отчаянно играл в чики и всег выданно обманывал и даа счита. Классе в золотом он бросил школу и куади-то ввсех. Через год он снова поновился во дворе, заигрывая карману у мальчишек, выгреб всю мелочь и сказал, показав зомскому физику:

— Кто пикнет, пришлю!

Мальчишки не звали, что такое «пришлю», но поняли: с Копытом лучше не смеяться.

Скоро Копыто стал единовластным монархом во дворе да и на всей улице. Вовка была младше его года на два, и Костя заставил его курить. Потом он поладил Вовке свою свинцовую битну, и Вовка стал чемпионкой двора по чике.

Потом... Потом Копыто ушла Вовка «в квартиру». Ада сначала они садилась в автобусы, и Копыто всегда алжна по чужим карманам. Вовка даже была смутер, как это делается. После автобусов, во дворе за полавничей, Копыто заставляла Вовку двумя пальцами, сложенными вместе, вымянуть у него из кармана денстику.

Потом Копыто ввезла Вовку «на работу». Сам он стоял в «тороне, а Вовка должен был выгнать кошелек.

Но как только Вовка сунула руку в карман какому-то мужчине, автобус тряхнуло, и он ткнул мужчину в бок. Тот удивленно посмотрел на мальчишку и спросил:

— Ты что толкаешься, мальчик!

На первой же остановке Вовка, как сумасшедший, выскочила из автобуса и бросилась домой.

Вечером у сарая Копыто била Вовку за трусоты. Вовке повезло. Для через два просе этого Костя полюбил в автобусе и судал.

«Сколько ж лет я не видала его», — подумала Вовка, — лет восемь или все девять!»

Вовка окончила семилетку, потом училась в школе шофера, работала на самодеятельно, переучивалась, повышала классность и вот уже пять лет в автобусе.

А он! Как он!

Вовка снова посмотрела на Костю. Тот был в сером костюме, при галстуке, в белоснежной сорочке с запонками. Запонку Вовка увидела потому, что Белокопытная одной рукой держалась за верхний критиконит.

«Сколько лет, столько зим!» — подумала Вовка. — Наверное, Копыто уже не тот, больше не «пират», вон какой интеллигентный! Наверное, после торыми одумался».

Вовка улыбнулась: а из меня «ученица» плохой оказалась. Он вспоминал того мужчину, с которым он пытался завестись в карьер, ввевне, не мужчину, а просто фигуру и цвет костюма — темно-зеленый. Но Копыто-то была мистером на это дело.

Вовка ввз автобус, погладывая в зеркалке. Он специально повернул его, чтобы удобнее было смотреть на Белокопытную. Тот безучастно погладывая в

Рисунок Александра МЕНЧИКОВА

«Здравствуй, племя младое, незнакомое!» — еще восклицая Пушкин. Древо русской литературы, мощное древо британской литературы Страны Советов корнями своими уходит в почву живой жизни, отсюда и приток молодых сил и традиционная преемственность поколений писателей, ибо талант не рождается на соловьином гнезде, а мастерство не приходит само по себе. Новый галактик попадает в сферу влияния того мастера, которому он близок, книги которого давно уже, с юных лет, волнуют воображение, того самого пера и бурлящего, чужого дыма, толкающего не совершающую, но явно самобытную рукопись ученика своего, с волнением обнаруживая: после него останусь не только книги, после него будет новый писатель, унаследовавший от своего учителя жанровую принадлежность поэзии, оэру в нешчерпаемые силы своего народа, сокровища языка и материала, который дает нам сами жизнь...

Получая богатейший писательский почтовый, изучаемых первых книг, отредактированных мастерами литературы, знакомясь с материалами сошедших молодых писателей, проводимых из года в год ЦК ВЛКСМ совместно с Союзом писателей, «Смена» решила открыть на своих страницах литературный чех, своеобразную мастерскую, в которой будут набираться опыта молодые литераторы, выражающиеся в успехе литературного дела писателями.

Более того, мастера на страницах нашей мастерской предоставят возможность и всем читателям и ученикам своих поклониться с юными своими произведениями.

Строки учителя радом со стихами учеников... Вот когда можно проследить особенности языка, то направление, в котором развиваются поэмы таланты... Константин Александрович Ваншенкин давно знает Дмитрия Костюрина, двадцатипятилетнего енисейского Литературного института имени А. М. Горького. В предисловии Ваншенкин пишет, что стихи Костюрина привлекают «своей действительной молодостью того возраста, когда игра в чувства переходит в чувства истинные, с остротой, объектом совершенства необходимой для поэзии наивности». Определяя таким образом поэта, К. Ваншенкин безошибочно определяет, чем же близок и дорог ученик молодой поэта: «Нынешний молодой человек, он говорит о ребятах нашего осеннего поколения: «Лежат в земле ребята — ровесники покоя». Костюрин лирик, стихи его, мелодичны, но скрупулозно некоторые положены на музыку...»

Константин Ваншенкин — это чуждый мир в нашей современной поэзии. Это истинная гражданственность, высветленная добрым и небрежным сердцем, чудотворная поэма, тронных слов, общепонятная своим, «енисейским» восприятием мира. И Костюрин жаждал научиться у Константина Яковлевича так же, как и Сергей Младякян, ночевный писатель стихов в армии и сумевший уже реализовать лучшие стороны своего дарования, опираясь на мир своего учителя и чувствующий себя в этом мире, как в родине своем. Не свидетелем тому — первая книга молодой поэта «Бескровные, неслышно вышедшая в свет...»

Итак, новая рубрика «Смена» — «Мастерская».

Молодость

Сняв глазами, стоял
У самой воды,
Не зная малейшей печали,
Не то что беды.

Почти незнакомые с тенью,
Лишь солнце на арте,
И дегнались плавно растения
Худых этих рук.

Под чьим-то задумчивым взглядом,
Что не был к ним строг,
Как в роще, росли они рядом —
Столбы этих ног.

Оставалось до поезда мало.
Подогая, стучали часы.
Встал я. Солнце еще не встало.
Луг был матовый восток от росы.

Я в себя приходил постепенно
И, пока пересек этот дол,
Стали ноги мокры по колени,
Словно речу в яброд перешел.

Уезжал по велению долга.
В раннем небе стала звезда.
Уходил — оказалось, надолго,
Оказалось, почти навсегда.

Мимо сада, мимо болотца,
С челоюдином легким в руке,
А когда осознал, что придется
Это все вспоминать адалеко.

Отглянулся правой перелеска —
И, как будто на чистом снегу,
Цель следов довольно четко и резко
Выделялась на росном лугу.

Всему свой срок. Лишь только нуею
выждать.
Дымок на дальнем поле оиди.
Повсюду тишина и неподвижность.
Не дель стоит в округе, а денек.

Традиционен трава осенних шорох.
Пуст косогор, осенние шиповат.
Лишь в провалах, повисших на
опорах,
Неспящий гул несметных шиповат.

Ночной дождь

То начинает на месте псыать
Долго, без меры,
То потихоньку уходит опять
В локорые скверы.

То принаекает к самой стене,
В она утаивсь,
То он уме на другой стороне,
Скорый на звансть.

Как он бесшечно бредет поперек
Улицы снава,
Хоть бы немного себя поберег,
Честное слово!

Склад «ВМ»

Под охраной, в мутной полутьме,
Отворонено буднично, гулко,
Нам себе, должно быть, на ум,
Синт взрычатка, топ пожок на умно.

Впрочем, что такое эти синт!
Это синт без грома и без молний.
Я давненько не встречал болмовней,
Безупречной этой тишины.

Сквозь булавочный трескующий мехон,
Не пугая, вытесил открыто
Тоненькая струйка амонита
Цветом, как яичный порошок.

Синт взрычатка... Брелась в три наката.
Спит чернотуловый чад.
Но страшней полочничного набата
Капсюли-взрыватели молчат.

Пенне

Приятная погода
Всем радоевала взор.
Турнсты с парходав
Пошши слотерть собор,
Что строен в честь Успенья
Тому три сотни лет.

А в рассмыслая пенне
Чуть упомыный след.

Я слушаа нервом кивидья.
Как будто был не брат,
Как в доме дружитанном
Протяжно пели в лад.

В вечерний час, в июле,
В заюноске леса,

Зайдась, моты тинули
Те бьбыт голоса.

И следы за ними перли
В намощи овыс
До раздранных в горле
Орхисные басм.

...Распахнутые окна.
Речной туман вдали.
Разрозненные копы,
Что к беругу свезли.

Росистые тропинки.
Целотельный покой.
И свадьят ли, помини
В том доле над реной.

К. Я. Ваншенкин с молодыми поэтами С. Мнацаканяном и Д. Костюриным.

Дюмида КОСТЮРИН

Не стало вдруг
Их поля
И их сада.
Все обступилось
Небом нил земель
Сегодня,
В ночь огня
И листопада,
Тоншегоса
Загравшей грозой.

И так шумят от ветра
Стебли хлеба,

И так шумят от зноя
Ковыли,
Что не спасают крыши

От неба,
Как не спасает гравий
От земли.

И мы опять
Меж небом и землей,
И мы опять
Их небо,
Их земля,—

Она зовется старши
Сырою,
Оно взлетело,
Искрыла пыла.

А мы стоим с тобою
Посредине
И чувстаем,
Что это нам дано,
А рядом
Вызывает тихо
Иней
И надвет
Колочее зерно.

Поезда

На вокзалах
Нил перронах узник,
Уезжая
В дальние края,
Здесь
Всегда прощаются
По-русски,
Боль свою
В улыбке затая.
И звучит гитара
Для парада,
Ито-то пляшет,
Ито-то в стороне
Говорит о новом
Без загасдеи
И в вагонном
Мается оное.

Поездам
Все это
Надрело...
Рельсы в звездной
Дымчатой
Пыли,
Тышины
Разорванное тело
Ночь вращает
От гудка
Вдали.

Сколько раз,
Кляня свою усталость,
Слышал оин
И плачу
И смех,

И уйти подальше им
Мечталось
От чужих ненастей
И утех.

Вновь приказ —
И вновь
Сырою росую
Напролет,
Навывает,
Вдали,
Насквозь...
Но в дело им скучно
От локоя,
Поездам,
Живущим на износ.

Баллада о моем коне

Патри очнулся, дремлющий
в стале,
Петит лкая конница во ядро.

Скрипит песок, жара горит огнем,
И кто-то скачет на коне доем.

На тышном, необъезженном коне,
Что мог бы пригодится
только мне.

И я был должен слиться
только с ним,

Его теплом и верностью хранил.

Гремят копыта, пух
протакнен свист,
Соравались, облетает
желтый лист.

И кто-то, окур, падает с коня,
Его строптивость жаркую кляня.

Скрипит песок, жара горит огнем...
Вновь кто-то скачет на коне моем.

Сергей МНАЦАКАНЯН

А в соседней квартире живет
человек одинокий и резкий,—
он однажды к окну подойдет,
и раздвинет впахлых занавески,

и уедет в конце сентября
по твезным объектам мотаться,
где таежная иннит зоря
над бетоном заснеженных станци:

Я настольную лампу включу,
я незнакомому стихотворению
както раз потуру различу
приваву дыма и тропы оленью...

Он появится ранней весной
из поездин своей специальной,
весь метельный, небритый, лесной
и немнимоичко провинциальный...

Он приедет, он снимет пламя,
разберет чемоданы и сетки
и мо мне постучится, и мы
перекурим на лестничной клетке.

И пойдем, загрустивши всевоз,
что мы были и порознь и в целом,
несмотря на печаль и мороз,
человеческим занятию делом...

Номера квартир и телефонное
я без сомаленья —
что с того! —
забылаю, на всю жизнь запоминю
номер карабина своего...

Семьдесят-двадцать —
отдаются
эти цифры в сердце горячо,
нам принаде, доверчиво и грустно
на ученых бившихся в плечо.

И я с темн связан неразрывно,
но, когда-то уходя в парад,
под припрывем снега нил лаяна
пальцами отгоревал приклад.

Все оин давно долной вернулись.
Мовет быть, случится незнамай:
обо мне подумаю среди униц,
но, меня не зная, промолчат...

Дружество нуждается в немногом:
нас связует в жизни навсегда
карабина полустертый номер,
нак связала б радость нил беда.

...И уже оин из новобранцев,
в верности орунью клянясь,
отчеканил: «Семьдесят-
двадцать»,—
с нами устанавливая связь.

И, наверно, в строгом карауле,
на земле спноистанье хранил,
он однажды обо мне подумал,
ничего не зная про меня.

P. S.

И еще я точу приписать на полях,
где остались пробелы для нескольких
строчек,
как березы тревожно дремали впахтом,
не меняя застиранным ливнем сорочек...

Я с любовью протислся — и поезд ночью
оглушительно вырвался из Подмосковья,
но любовь у окошка стояла со мной,
потому что любовь остается любовью...

Символизмом мой свитер навывает продукт,
и за поездом танцует облако дыма,—
за стеклом полустаним и годы пройдут,
но останется в палаты обилии любвию.

Вот он, строгий, березовый, милый, и пусть
нас встречает судьба незапалитной болью,
останется надежда, и немность, и грусть,
что б на этой земле нил случилось с тобою.

Ориному тебе не остаться
и, злебуна беда, как вода,
с тайной горечью ядур
признаться,
что не все уже впереди,
что все меньше манит чужое,
что изведает тоску и честь —
и уже за твоей душою
непододатное что-то есть...

Под переплесс весним
и плычим тремил,
Безуся и грустны,
солдаты телм...

О войнах на земле,
откосилим ранней,
о городах о городах
о мертвых хранил,

Еще — о тишине,
тишайшей самой,
а кто-то — о мне,
а кто — о маме.

Замутивши в туман,
леса ставили
столганы, мак орган
в концертном зале!

А здесь прошлы бок,
дзес воют «знылы»,
и до сих пор большы
бедой молылы...

Но службе — первый год,
и неизвестны
следи слепых невзгод...
Известны несни!

И заповедный март
что было силы
вникал в слова ребят
по всей России.

Им вторила земля:
на четверть века,
кого-то, верно, зля,
рвело зхо...

И пелю о войне,
что выбор
сделал,
сододты по всемо
над миром целым!

Рисунки
Владимира БЛАНКМАНА

Владимир ЗАХАРОВ, Владимир ЧЕИШВИЛИ (фото)

право

Харьковские студенты будут строить первый в нашей стране сверхзвуковой гоночный автомобиль

Возьмет ли автомобиль звуковой барьер? В наши дни такой вопрос не займет у специалистов много времени на раздумья. Пять лет, прошедшие с того дня, когда американец Крэг Бридлов на своем «сухопутном самолете» поднял рекордный потолок до внушительной величины — 966,554 километра в час, — были заполнены кропотливой и напряженной работой. Ведущие гоночные мира готовились к самым ответственным стартам.

Прогнозы, сдержанные предположения, смелые догадки — все эти годы на страницах печати велась оживленная дискуссия по поводу ожидаемых результатов и возможных победителей. Но была во всем этом избыток информации одна «тайна», которую хотели разгадать не только спортивные любители спорта: способны ли наши гоночники бить рекорды американцев?

Чтобы получить на этот вопрос обстоятельный

ответ, мне пришлось поехать в Харьков. Почему именно этот город стал в нашей стране центром гоночного автомобилестроения.

В Харьковском дворце пионеров ребята учатся строить и испытывать карты. В мастерских харьковского автомотоклуба «Трудовые резервы» свой опыт передают молодежи известные гоночники во главе с рекордсменом мира Эдуардом Осиповичем Лорентом. И, наконец, в Харьковском автоторном институте (ХАДИ) создана единственная в стране лаборатория скоростных автомобилей, которую возглавляет другой рекордсмен мира — Владимир Константинович Никитин.

Лаборатория эта явилась тем средоточием передовой конструкторской мысли, смелых новаторских идей, без которых в наши дни немалым прогресс в автомобилестроении. В студенческом проектно-конструкторском бюро (СПКБ) десятки будущих инженеров учатся своими силами соз-

давать гоночные машины. О результатах их работы можно судить по одному факту: на гоночных машинах «ХАДИ-2», «ХАДИ-3», «ХАДИ-5», «ХАДИ-7» было установлено 32 всесоюзных рекорда, из которых 9 превысили международные.

Через лабораторию прошло несколько поколений студентов, прежде чем в институте взялись за дело, весть о котором в буквальный смысле ошеломила западных специалистов.

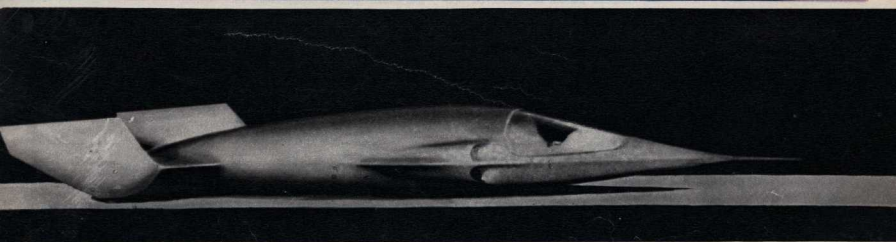
Эту новость поспешили передать все ведущие агентства мира. Вот как она выглядела в изложении американского агентства Ассошиэйтед Пресс: «Советский автомобильно-дорожный институт в Харькове пытается создать самый быстрый в мире автомобиль». Газета «Правды Украины» сообщает, что институт создает автомобиль, который как она

Модель будущего автомобиля «ХАДИ-9», на котором харьковчане рассчитывают прорвать звуковой барьер.

На риск

Гонимый автомобиль «ХАДИ-8»
на испытаниях показал
рекордную скорость.

Известный гоночник и конструктор Владимир Константинович Никитин и его ученики Александр Скирда и студент 3-го курса Владимир Седович.

предполагает, достигнет скорости звука — 742 миль в час. Автомобиль будет иметь 33 фута в длину. Его газотурбинные двигатели будут развивать мощность 5 500 лошадиных сил. Из-за высокой скорости, сказал главный конструктор В. К. Никитин, впервые испытания будут контролироваться на расстоянии по радио. ■

Конечно, спорт есть спорт, и атмосфера соревнования, стремление к победе являются его движущей силой. Но не стоит при этом забывать, что скорость жестоко мстит гоночнику за любую самую малейшую оплошность. История зарубежного моторного спорта — яркий тому пример. Гибель знаменитого английского гоночника Дональда Кэмпбелла, когда на виду у миллионов телезрителей взорвался его «Синия птица», еще свежа в памяти. Мир помнит катастрофу Арта Арфона на бонневильской трассе. Пять лет назад его равнинное «Зеленое чудовище» потерпело аварию на скорости 980 километров в час. Чудом остался в живых гоночник, мечтавший отобрать рекорд у своего извечного соперника Крага Бридлова. Нет, советский конструктор и гоночник В. К. Никитин не собирается уступать в гонках за смертью. В наши дни рождение нового автомобиля — это прежде всего итог творческой мысли

инженера и ученого. ААДИ, в котором учапят тысяч студентов, готовит высокообразованных специалистов. И каждое начинание студенческого бора подчинено именно этой цели — подготовке инженеров завтрашнего дня. Ведь и рекордно-гоночный автомобиль «ХАДИ-9» будет коллективным дипломным проектом Сергея Шерстобитова, Александра Загорова, Владимира Седовина, Антония Корлякова и Антония Пурдыка. Их научный руководитель ректор института Борис Владимирович Решетников — большой знаток и любитель автомобильного спорта. А душой всего дела, необычного и сложного, следует считать Владимира Константиновича Никитина и его помощника Алексея Михайловича Святского. Дух этих людей связывает не только крепкая мужская дружба, но и полное единство взглядов на воспитание будущих инженеров, беззаветная вера в творческие возможности студенческого коллектива.

Уверенность эта основана в первую очередь на глубоком знании сил как всего студенческого конструкторского бюро, так и каждого его участника в отдельности. Става перед студентами сверхзадача — постройте рекордного автомобиля, Никитин не заострял внимания своих питом-

цев на абсолютном рекорде скорости, принадлежавшем американцам. Главное для него — увлечь, заинтересовать будущих конструкторов новыми, оригинальными задачами со многими неизвестными. Умение самостоятельного мыслить, находить «правильные» ответы на многочисленные вопросы — таким хочет видеть он технических помощников молодых инженеров. Ну, а что касается рекорда, то скорость 1 200 километров в час является всего лишь плановой цифрой, которую предстоит преодолеть.

Вот такой дух соревнования с американцами советским студентам по душе. И хотя Robert предостит весьма и весьма трудная, злитусинт автомобильного спорта верят в его успешное завершение. Не собираются они пассивно перенести своим грозным заокеанским «соперникам». А соперник харьковчанам достался действительно сильнейшим. Ни много ни мало — Американская ассоциация владельцев предприятий газовой промышленности.

На пресс-конференции, состоявшейся в начале прошлого года в Лос-Анджелесе, представители ассоциации сообщили, что «попытка побить мировой рекорд скорости на суше (первоначально она планировалась на 7—13 сентября) 1969 года завершит пятилетний совместный труд специалистов — аэроноватов, ракетчиков, металлургов и шинников, а также энтузиастов соревнований».

Харьковчане же в начале прошлого года только приступили к проектированию своего «ХАДИ-9». Причем — и это следует особо подчеркнуть — работа над проектом велась и ведется в основном силами самих студентов.

Итак, что же представляет собою рекордно-гоночный автомобиль «ХАДИ-9»? О его внешнем виде можно судить, взглянув на помещенную здесь фотографию. Такая форма не фантазия создателя машины, а итог кропотливой работы СПБ в сотрудничестве с Харьковским художественно-промышленным и авиационными институтами.

Как и все современные скоростные самолеты, их бескрылый родственник будет иметь герметическую кабину, два стабилизатора направления, тормозные штири и тормозные парашюты. Чтобы сократить тормозной участок пути на котором шасси, подвеска и тормозная система работают с наибольшей нагрузкой, конструкторы ввели одно новшество, кстати, тоже позаимствованное у

«ЛЮБОВЬ- ЛЮБ МОЛОДОСТИ»

«Смена» № 10, 1970 год.

В десятке номеров нашего журнала мы познакомим читателей со статьями Лидии Обуховой «Любовь — хлеб молодости». Отвечая на, посвященная вопросам любви и семьи, являлась целью поток писем наших читателей. Большинство из них разбегают тревогу писательниц, являющую «демографическим взрывом», шлют целые проqramмы мер, которые помогли бы увеличить размер современной семьи. Многие читатели спорят с предвещанием Лидии Обуховой о малочисленности женщин. Сегодня мы предоставляем слово и тем, кто «за», и тем, кто «против».

И Важный разговор продолжается...

МАЛЬЧИКОВАТЫЕ ПРОТИВ

Вокруг статьи «Любовь — хлеб молодости» разгорелся целый сыр-бор среди наших девчонок. Было много критики в адрес «мальчиковых» девачек, которые, в свою очередь, образовали довольно шумный лагерь и яростно атаковали «барышниц».

Женский пол, видимо, всегда приносит хлопоты обществу. Вот и сейчас все в тревоге за эмансипированную женщину: как бы эмансипация слишком далеко не зашла. Вы бросаете ключ. Л. Обухова: женщины, наоборот, а семью. По-вашему, получается, что интеллектуальная, нанчанная, одержимая своей работой женщина, асьо себя отдавая любимому делу, менее важна для общества, чем мать и хозяйка! Выходит, она должна довести свой семейный очаг до того совершенства, которым так гордились наши прабабки!

Любая девушка должна стремиться к тому, чтобы стать человеком свободным, самостоятельным, талантливым, понимающим искусство, философию и другие вещи. Этого нельзя достигнуть, связав семейные гнездышко, романы детей, совершенству из всех сил свою женственность и благополучие другую молодую че-

ловещему на великие деяния. Поэтому я выбираю первое.

Уважаем

М. Э. восемнадцатилет.
Азнакауов, Татарская ССР.

ВОЗЬМАТЕ ИНЫ МАТЕРИ

Мне 52 года, я выросла пятерых детей — дочь и четверых сыновей. Все детство наравне наравне образование хорошее вышли люди. Отдала я им всю любовь, здоровье, не знаю, что такое жить для себя. Я не работала, да и не брала мысли, когда умывалась, сколько у меня детей. И вот старость. Пенсия нет, сыновей забывают в армию, как приходит срок, у остальных детей свои заботы. Муж кормить не хочет: ты, говорю, дай, раз пенсия себе не заработала. Моя сестра прожила с мужем, не имея детей. Все жизнь жила одним, здоровьем были, дети она не одомили, спориться не из-за чего было. Сейчас у обих пенсия, квартира хорошая, мало того — поездеайте на курорт, поправляйте свою старость на молодость.

И вот, товарищ Обухова, мои дети дети иметь не будут, так как могут сравнить мою жизнь и жизнь моей

сестры. Теперь почет у тех, кто работает, а не детей растит. А это плохо, нельзя было о матери забывать, нуно мать любить. Ведь без детей нет семьи, нет настоящего счастья.

А. СЛЫНКО,
Ленинград.

ЖЕНЩИНА — ПЕРПУТУМ МОБИЛЕ!

С торжеством эмансипации женщины были уравнены в правах с мужчинами, но равенство в основном смысле — не право на труд, то есть женщина получила права на равную работу с мужиной. Стремись доказать, что она все может делать не хуже мужчин, она стала ученой, трактористкой, инженером, стала романтиком.

Отработав положенные восемь часов на производстве, наш «слабый пол» заступает в свою квартиру сияющую — берет, гладит, стирает, обед, убирает квартиру, ухаживает за детьми и мужиком... Наконец, короткий сон и вновь работа. Конечно, в чем-то мужчине помогает в доме, но физическое организ мужиной, будущую работу приспособляет и ирратворенно высоким нагрузкам, плохо пере-

нашину. Дело в том, что киваны бы строкотали мы бы самолет, его посадочной скорости границе на величину порядка 350—400 километров в час. А у «ХАДИ-9» скорость надо будет сразу же после прожигания контрольного участка, когда вытесняется топливо. Вылететь на такой скорости парашюты в итоге мгновенно разрывало в клочья, как это было в Арла Арфонка. Не выдержат такой нагрузки и механические тормоза. Исследовая все варианты, студентам пришлось использовать реактивные тормоза. Специальные зонтики, как и на «ИЛ-62», переключают направление реактивного потока, заставляют его изменить направление в противоположном направлении.

Автомобиль харьковчан будет значительно легче аналогичных американских конструкций (по-рядка трех тонн). Такое ошутливое преимущество достигается за счет применения стеклопластика при изготовлении кузова. Анатолий Пудров, который в своем дипломном проекте сделал именно этот раздел, уверен, что стеклопластик выдержит столь высокие нагрузки. Кстати, по его словам, эта идея возникла не на голом месте, ведь в их институте, впервые в Советском Союзе, строились автомобили. Был создан стеклопластиковый кузов автомобиля. А затем был запущен в серийное производство автобус «Старт по технологии, разработанной в США». Харьковчане считают, что стеклопластик имеет и еще одно неоспоримое преимущество — значительное облегчение всей несущей конструкции. Но это уже облегчение Сергея Шерботова. Тема его диплома — в своем дипломном проекте он вместе с коллегой Дмитрием Сильвановым, который занят изготовлением макета этой новой машины, Сергею предостиг очень сложной и небывалой работы.

«Студент», — говорил несколько лет назад знаменитый авиационный конструктор, — проработавший в кружке или в мастерских над созданием коллективной конструкции и ставший инженером, стоит пятачку, не имея таких навыков. А главная трудность, пожалуй, такой любви к делу, как за воспитать одним чинем лекции».

Творческая атмосфера в СГКБ подтверждает правильность слова О. К. Антонова. Взять хотя и историю создания танка называемой восьмой машины — «ХАДИ-9». Здесь моим добровольным экскурсоводом вызвался был Владимир Довгань, студент третьего курса, один из помощников Никитина. Это он привнес меня на своеобразную экскурсию в лабораторию, устроенную по помещению лаборатории.

Желтые, белые, зеленые, голубые, низкие, длинные, широкие и узкие, будто расплащенные яны

полу металлические чудовища, выстроились в ряд машины. Среди них и «ХАДИ-9». По ее стремительным, прямым обводам сразу чувствуешь, какой мощный мотор должен быть под обшивкой. Владимир сообщает мне: мощность 250 л.с. (граммов) это на 50 километров в час выше официального мирового достижения.

Готовятся к рекордным заездам «ХАДИ-9», «ХАДИ-3». Сама маленькая в весе рекордно-легкая машина. Только вот нет среди них «ХАДИ-4». В 1967 году машина разбилась и сгорела на соляной трассе озера Баскуньяк.

Но вернемся к «ХАДИ-9». Может ее был создан ВЛХИ, но в условиях технического гнетения на молодежи. Сверхзвуковая машина. Сейчас закончено ее проектирование, и она будет испытываться на той же соляной трассе. Первоначально В. К. Никитин рассчитывал опробовать автомобиль на скорости в 900—1000 километров в час. И только затем пойти на преодоление звукового рубежа.

Для достижения рекордных скоростей автомобиль ВЛХИ, не оборудован сверхзвуковыми реактивными или ракетными двигателями (на американских машинах суммарная мощность двигательных установок равнялась 17—20 тысячам лошадиных сил). Двигатель «ХАДИ-9» является обычной газовой турбиной мощностью 5 500 лошадиных сил без привода на колеса. Автомобиль будет двигаться по земле за счет реактивной тяги.

Можно долго еще говорить о конструктивных особенностях первого советского сверхзвукового автомобиля. Но мне кажется, что лучше всего оставить такие вопросы специалистам. Для нас же важнее другие аспекты этой проблемы, в первую очередь моральные и психологические.

«Ну же, зачем это нужно? Эта машина? Эта скорость? Наконец, этот риск! На Западе понятно: реклама, прибыль. Но зачем тогда Никитину? Никитин отвечает: «Кто-то же, батенька, должен преодолеть барьер, кто-то должен начать эту работу...»

Знакомись с его проектами, наблюдай его в работе, несколько заражаясь никитинской уверенностью, моралью и оптимизмом. В нем столько спуспобует и та обстановка, которая окружает шефа в лаборатории. Постоянное, каждодневное общение со студентами является для него главным жизненным стимулом.

И пусть порой не все в работе идет гладко, а иногда суровая действительность ставила знаменитого гонщика перед лицом тяжелых, можно сказать, трагических ситуаций, время доказало его способность такая коллективистичность. Если СГКБ ХАДИ, которые уверенно идут к намеченным рубежам.

В этом творческом содружестве, где оплот идет рука об руку с делом, как синонимично, так и высоко есть бытие и быть не может. Здесь и только здесь, по мнению Никитина, кроется секрет его анголетитических успехов в автостроении. Как тут не вспомнить слова из письма одного из авторитетов в советском автостроении бывшего начальника лаборатории секретных автомобилей ЗИЛа С. В. Глазунова, в К. В. Никитину: «Вспомните, как при нашей первой встрече на Милоском шоссе — на 41-м километре, когда впервые после войны выступили на километровой своей автомобильный завод. Автомобиль тогда показывал скорость 162,5 километра в час. Ваша машина тогда развила, если мне не изменит память, 165,5 км в час. Риск всегда есть риск. И о признании: я понимаю, что заводы меня когда-нибудь обгонят, но пока... Так вот, прошло столько времени, кажется, эта встреча была в 1951 году, а завод ВЛХИ был создан в 1953 году. Так, наверное, не обгонят. Потому что студенты-конструкторы, студенты-гонщики не разделяют мнения тех, кто считает предельно величину 300 километров в час. Риск всегда есть риск. И о штурвалом гоночного автомобиля. Но, «скальпулировал» риск на бумаге, его надо затем воплотить в сложнейших конструкциях и проверить в анголетитических объектах на испытательных стендах. В погоне за скоростью риск должен быть не врагом, а союзником. Кто же является ответом на вопрос, способны ли советские гонщики быть рекордистами? Владимир Осинович Лорент дал на него такой ответ: — За советскими гонщиками дело не станет. Техника у нас есть, надо думать о подлождающей трассе.

Высокая скорость по плечу только самым смелым и мужественным спортсменам, самым талантливым конструкторам. А в том, что она покорила советские гонщики, в немалой мере заслуга великого мастера спорта Владимир Константинович Никитин: — Не мы, так наша смена через год-другой поидет на штурм звукового рубежа — 1200 километров в час.

носит длительные, и иногда просто жалко просить его о помощи, когда он, уставший, приходит домой. Природо создала не менее выносливого человека, она терпеливо на года в год обрабатывает своей вышпанисанной рабочей день. Правда, она при этом гребет, терпит много неприятностей, рвется рано спать, со временем терпит свою высокую трудоспособность и окончательно перестает быть женщиной. Современная женщина рано пошло безразлично подобной жизни. Отсюда повелось стремление, с одной стороны, во что бы то ни стало получить высшее образование, специальность, которая дает возможность не уставать на работе, чтобы сохранить силы для семьи. Или, наоборот, получив специальность, женщина, не имея возможности для невыполнения семейных обязанностей. Этому очень способствуют родители, которые, сами навязываясь, стремятся сделать выносливого человека из женщины. Будучи говорят детям в институте.

Редко найдется работнице с фабрики, у которой дом не прибран, который чистотой всегда не меньше, чем дети без присмотра. Несмотря на большую физическую нагрузку, эта женщина не может себе позволить спуститься в себе. Большинство работниц — инженеры, артистки и иногда другие, имеющие высшее образова-

ние (исключая врачей и педагогов) считают вполне нормальным питание «китай-нибудь пережарит», предложение развлекаться в кино, театре, гости) элементарно уходят за пределы. Лучшее купите новое, чем заштопать; отдать в стирку, чем постирать; отравить себя, чем позаниматься. Они проводят время в парикмахерских, в ателье мод, на пляже, на курорте, в ресторане, но только не в дороге (машина). Таким образом, уравнявшись с мужчинами в правах, женщины или перевернулись обзачем, или совсем о них забыли. И только немногие нашли золотую середину.

О трудностях семейной жизни говорят сейчас почти все без исключения женщины. В последнее время, когда работающая женщина на службе, а в концы дня в магазине остается то, что не раскупили дома, приходится отпрашиваться или убегать с работы, чтобы разговаривать ярлык неадаптированного работника. Но как же быть хорошей матерью, хорошей хозяйкой, любящей женой, если работница, когда все протое это?

Большинство женщин склоняются к тому, что рабочий день женщины-матери должен быть укорочен. Но в наше время, когда многие фабрики принимают домохозяйек, работающих всего по несколько часов. Для слу-

жащих в этом отношении ничего не предпринимать.

Хотелось бы, чтобы и отпуск женщины, предоставляемый только летом, — тогда можно было бы провести его с детьми. Я знаю, многие женщины согласились бы иметь трона и больше детей, если бы поскорее отпуск продлили хотя бы до полугода. А мы, в свою очередь, в долгу перед государством не останемся.

Гортезия ИВАНОВА, инженер.

г. Кокшетау-Ирты

ТОЛЬКО ВЛЮБЛЕННЫ

Родив одного ребенка, женщина потому и не хочет рожать последующих детей, что она заблуждается в том, что ребенок намертво прикован к ее дому, в отдельной квартире еще крепче, чем в коммунальной. Быт сводит любовь, дружбу, интимную близость к своей неумолимой требовательности, бессонные ночи над ним, страх за малейшее его нездоровье ошесточают родителей, делают их разараментаривающими по ту сторону, отключают от товарищей, суянож кругозор. Семья превращается в ячейку, начиненную мелочами.

Для того, чтобы и женщина и мужчина в браке могли жить полноценно, гармонично и творческой жизнью, необходимо прежде всего, чтобы не было быта, а была СЛУЖБА. БА ВБТА, быт и ДОМА НОВОГО поколения. Многие женщины не имеют мастер спорта Владимир Константинович Никитин: — Не мы, так наша смена через год-другой поидет на штурм звукового рубежа — 1200 километров в час.

Е. МЫЛЬЦЕР, беллетристка.

Красота родной земли

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ ОЗЕР

Всеволод АРСЕНЬЕВ Фото автора

Стражи скалой баши, белокаменная кладка, голубина озер — и яркий костер в ночи, и тишина окрестных мест...

Вже полмиллиона лет скитались втроем по лесам, рекам и озерам, и нам было удивительно хорошо быть вместе. Не толь-ко, могли часами молчать друг с другом у костра, в лодке или на длинном переходе: глядела и слушала, как просыпаются на заре вода и земля, освобождаюсь от сна туманов и ночных тревог, как постепенно раздвигаются до бесконечности границы дня, выходящие теплыми волнами саята. А потом вдруг наши поплывки начинали таять, сливаясь с чернильной водой. И прошедший день отступает от земли, последние свистящиеся облаком пером, которое росила сказочная пшеница.

На Шексне мы на время расстались с разноречным рыбачьим бытом. Остановились на горбатеом острове посреди реки напротив Горичи — небольшого селения в притысто. Остров назывался Городком. Намдое-

три мимое него проходил чумозный бундир и ирчал ужасным басом. От малютки-бундира на берег бежали огромные волны. Остров дрожал. Мы проглотили, как моров, застряли и гробки в Горичем. Там, у пристани, начиналась белая дорога. У побито-го времени и непогодии Горича-ного монастыря она круто сворачивала и шла в гору. Низко природоичное леса зазеленясь в лыли. Пыль подни-мали смотелись. Лычно водители ве-десо сигнальни и продолжали подезсти. С горы можно было увидеть, как из лесных волн вологодских земель всплывает Кирилло-Белозерский мо-настырь.

Воздушное жарово растворяло детали, и крепость-монастырь предстала едином лиловом громадом, напоминая жидкий старинный дрездрут. Каждый раз в мидял, что вот сейчас ударит с ианенного корабля праздни-чным салютом гроа тысяченудово-го колокола...

— «...един, но в трех лицах», — процитировал как-то Алексси, когда мы, устав от бетогити по монастырю и око-ло, просто лежали на траве и бла-женно глядели, как плывут над баш-нями и черноватыми главными обла-ка. — Нет, точно! — продолжила Леш-на, переворачиваясь на живот. — С озе-ра смотрюшь — одно: сказка каинле-то, стены из воды выросли, синие... А из города — будто и нет никакого монастыря. Там, забор, а?

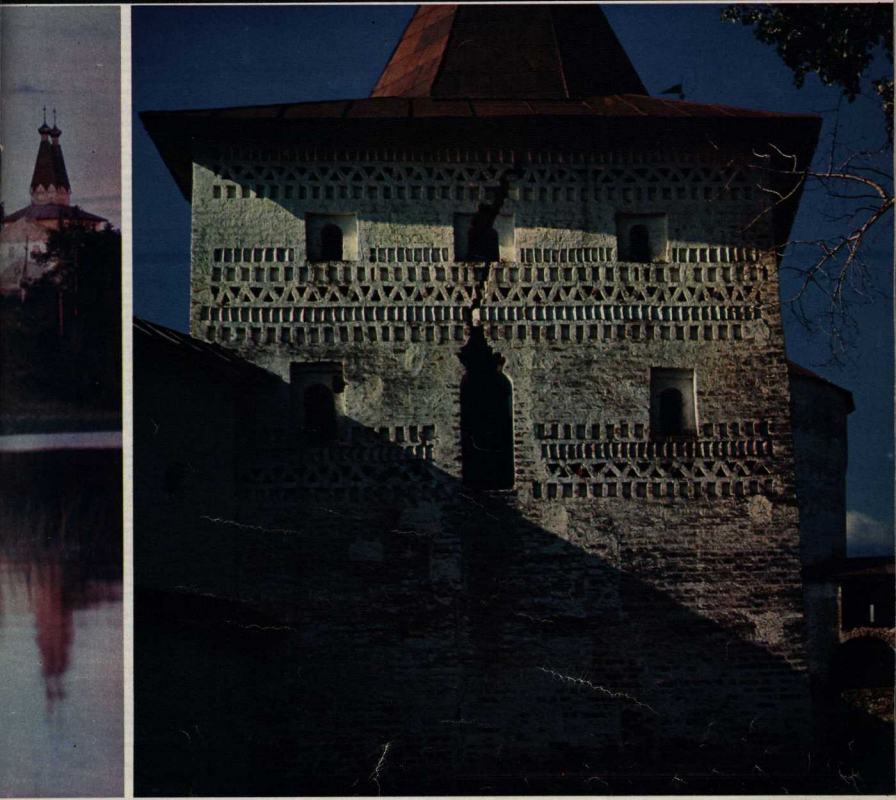
Игорь морча носиком и начинает со-бирать свои фотоаппараты. На севере он первый раз и, конечно, оше-лоплен неожиданной неимоно красо-той. Хотя и держится как ни в чем но бывало.

Меня заполняет тихий празднични-ный понос. Монастырский двор в этот буд-ничный день пуст и тих. Лишь в по-путемных иельях под крепостной стеной изредка слышится говор и смех. Там работают московские студенты — реставрационный отряд. Над дверью

лазом на стропощадку ребята при-крепили кровожидный лозунг: «Смерть тумаядиям!». Первые четыре жертвы местной дисциплины лежат рядом; тут же, под лозунгом, они дружно урчат, разгораясь на сол-нышке. Иногда в оконных просветах возникают кинце бородатые физионо-мии, приуроченные эстетски и ири-пично пылью в обрамлении ретно-го камня они выглядят лыкими впло-не современных святых.

Угловое башни, эстским глыбами белого кварца. Намется, свет разгу-ливает внутри тмезного камня, слов-но в литых призмах. Розовым, вос-ком оплывают стены церкви Иоан-на Предтечи. У деревянного мельни-цы расположился один-единственный художник и вло водит кистями — разном. Над ним тихо вается и заглядывает в этюдник чайка. Весте-ские тубочки покожи на серебряных рыбках...

Отсюда, изнутри, не видно домов

ВЕРЫ ФОМИНОВОЙ

Алексей ПАТРИКЕЕВ, Николай МУРАЗОВ (фото)

О бывалом человеке говорят, что он прошел огонь, воду и медные трубы... Мальчишки, с которыми вы сегодня познакомитесь, от 12 до 16 лет. Самые помываче, и каменные бывалые люди из отрядов не имеют.

К медным трубам они в общем-то отношения не имеют, хотя иногда и их честь гремит оркестр. Вода... С ней они имеют дело очень часто. Огонь... Это, так сказать, их стихия, в тонне, стеске, с которой они борются.

Летом живут эти мальчишки (а их около ста) в лагере, что расположен на территории московского парка культуры и отдыха «Сокольники». Лагерь как лагерь, да только не совсем. Над входом его эмблема с буквами «ЮДПД». Перед входом — пологая бумажка с подвохомым и ной моноколом. А в будке — исполненный чувства ответственности страх с серьезным лицом и в осветительно сверкающей каске. Но, несмотря на внешнюю строгость, он встретил нас приветливо (насколько позволило положение) и четко ораторствовал, что начальники лагеря Виталий Иосифович Суданов сейчас в столовой. На груди у мальчишки был значок с тем же буквами «ЮДПД» (юношеская добровольная пожарная дружина).

Вот уже одиннадцатый год существует наш лагерь, — говорит Виталий Иосифович. — Зимой ребята изучают пожарное дело в школьных дружинах. А летом, лучших юных пожарных из школ всех районов Москвы мы собираем в «Сокольники». Здесь они отдыхают, продолжают изучать специальные науки, соревнуются. По результатам этих состязаний комплектуется сборная команда столицы, которая участвует во всероссийских и всесоюзных юношеских соревнованиях по пожарно-прикладному спорту.

В конце концов любой вид спорта — игра. Только игра серьезная. Мальчишки, о которых идет речь, выбрали рискованную игру — игру с огнем в самом буквальном (а отнюдь не в переносном) значении этого слова. Не будем ниогосовно рассуждать о опасности умения укрощать огонь. Вот лишь один красноречивый пример.

Девочки в сокольнической лагерь не принимают. Это и понятно: пожарная дружина не курсы кройки и шитья. Но для Веры Фомининой в прошлом году было сделано исключение.

Училась тогда Вера в шестом классе. Однажды, возвращаясь из школы, она увидела, как горит старый деревянный дом. Рядом с домом, не зная, что делать, беспомощно причитают несколько старушек. Из их обычных объяснений девочка поняла, что в доме остались двое детей. Пожарная команда еще не успела

прибыть на место происшествия. Вера смело ринулась в огонь. Она вынесла детей из горящего дома, спасла две человеческие жизни. За отважные и умелые действия Вера Фоминина была награждена медалью «За отвагу на пожаре».

Вот вам и игра! Конечно, не каждый день юные пожарные совершают подвиги, спасают человеческие жизни. Но вот победители лагерных соревнований — мальчишки Пролетарского района однажды обнаружили и ликвидировали пожар на чердаке одной из школ. Ну, а повседневная работа юных пожарных заключается, как сказано в «Положении о юношеских добровольных пожарных дружинах», в «обеспечении пожарной безопасности школ, жилых домов, общественных строений...».

Короче говоря, главное — профилатка пожаров. Немало и других, довольно неэффективных обязанностей у членов ЮДПД. Но они всегда должны в случае необходимости быть готовыми и борьбе с огнем, и борьбе с опасностью.

По четырем видам пожарно-прикладного спорта соревнуются ребята в лагере. Первый из них — преодоление 60-метровой полосы препятствий. На пути спортсмена — забор, через который нужно перелезть, бревно, по которому нужно пройти, а затем проползти мимо пожарных рукавов. Следующий вид — подъем по лестнице на второй или третий этаж учебной башни. Третий вид — пожарная эстафета 4 × 60 метров. Снова на пути забор, бревно, а на финише надо погасить с помощью огнетушителя горящую в специальном противне легковоспламеняющаяся жидкость. Трудно приблизиться к этому противню: жар опалет лицо. Но юные пожарные — народ не робкого десятка. Наконец, последний вид — боевое развёртывание. Здесь уже почти все как на настоящем пожаре. Подъезжают пожарные машины, боевые расчеты занимают свои места, в ход пускается вся имеющаяся в распоряжении пожарная техника. О том, насколько искусны ребята в пожарном деле, свидетельствует тот факт, что команда Москвы — обладательница рекорда Российской Федерации по боевому развёртыванию.

Конечно, не все ребята из ЮДПД впоследствии становятся профессиональными пожарными, однако и немало юношей избирают учебу в пожарно-технических училищах. Тем же, кто пошел по иному жизненному пути, навыки, полученные в дружинах, всегда могут пригодиться. К тому же ребята получают отличную физическую закалку. Недаром тренеры из расположенной неподалеку легкоатлетической школы имени братьев Знаменских с каждым годом все внимательнее присматриваются к юным пожарным и наиболее способным приглашают в свою школу.

Зовёт труба...

*Кто быстрее проложит линию
пожарных рукавов?*

Преодоление препятствий.

*За консультацией к начальнику
лагеря.*

*Охрана лагеря — ответственное
дело.*

Важнейший.

Знать, как онежи, несет человеческие судьбы, и каждая новая встреча журналиста со своим героем заставляет его, словно мощная волна. И задача тут одна: не потерять равновесия, устоять под напором новых событий, все заметить, описать.

Осенью 1961 года в Тбилиси на чемпионате страны по легкой атлетике я обратил внимание на молодого латвийского метателя копья Яниса Лусиса. Он тогда порадовал всех своей атлетичностью. Копье его пролетело 30 метров 1 сантиметр. Этот результат позволил Лусису занять третье призовое место после двух таких несопоставимых лидеров, как Владимир Кузачев и Игорь Паама.

Получив первую свою награду, Лусис снова вышел на старт, на сей раз с десятиборьем. И вот новичок, до этого никогда не выступавший в столь трудных соревнованиях, после двухдневной борьбы снова поднялся на пьедестал почета — за второй бронзовой медалью. С такой ситуацией не встречались, наверно, самые дотошные зинтолы легкой атлетики, и я, агадываясь в немыслимое, какое-то бесовское лицо Лусиса, подумал тогда, что в разношертом и красочном мире королей спорта есть свои лоббины и наиски. К первым, к примеру, принадлежат бег, во втором — метание и стрелковая свистка на беговой дорожке внешне столь спокойный, отрешенный от земных страстей полет копья?

Иначе Лусис никогда не помышлял изменить копью, даже десятиборье, в программу которого метание копья входит лишь составной частью, он вскоре оставил, зато цинком посвятил себя любимому спорту.

И вот почти десять лет я служу за Янисом Лусисом, наблюдаю за его выступлениями и дома и за рубежом. Из года в год его копье летит все дальше и дальше, и, кажется, не будет конца этому полету. Сколько рубежей за последние десятилетия преодолел Лусис? А полного удовлетворения он так и не достиг.

Вот одна из его побед, свидетелем которой мы последовательно были в сентябре 1962 года в Велграде.

На чемпионате Европы еще никому не известный метатель встретился со знаменитыми атлетами — рекордсменом мира итальянцем Квардоло Лиеворе, польским Яношом Сидло, олимпийским чемпионом, товарищем Лусиса по команде Виктором Цыбуленко, венгром Герге Кулачвором. Вспомогательная квалификация, Лусис в числе двенадцати претендентов на золотую медаль, но он отлично знает, как далеко от него победа. Ведь Владимир Кузачев, многократный рекордсмен и чемпион СССР, своим выдающимся образом, его сразу на третье место. А тут еще Лусис надел чемпионский берет, значит, с его усилиями будут сравнивать свои броски соперники.

Когда комментаторы появились у крошки футбольного поля белградский стадион наполнил финишным остатоном бега и предвкушал борьбу, вот-вот должна была разогреться на дистанции 6 000 метров. Где уж тут следили за полетом копья, зарывающимся на одностороннем конце стеномерного пространства и шагающим на другом. Вот это пространство с гудящим флагом мирового рекорда, где-то там, около противоположных футбольных ворот. А и сейчас этого рекорда стоит рядом с Лусисом — Квардо Лиеворе. Вверху на квалификационных соревнованиях его копье улетело на 80 метров 20 сантиметров, значительно дальше уступающего лишь. Поэтом-то, что у него осталось на сегодня.

Тренировочные броски следовали, один за другим, судейская бригада заканчивала последние приготовления, но трибуны уже забиты олимпийцами, олимпийские борцы на беговой дорожке. Вот и первый старт Лусиса. Все нарастающая и нарастающая скорость, устремился он к контрольной отметке. И вот уже копье в воздухе, и спортсмен не спускает с него глаза, ста-

рывается табачно, удаляет ли его бросок.

Вот и угадал вспыхнуло цифры: 82.04. Эта первая попытка, в которую Лусис сразу вложил все свои силы, оказалась решающей. Его соперники отчаянно стараются дотянуться до флага номером Лусиса и срываются. Вот уже Янош Сидло остался на седьмом месте и не попал в финал. Вот Лиеворе еще зацепился за пятое место. Вот Цыбуленко плавно четвертый. Ни сур еще ренатит три финальные попытки. Ни сур удалось закрепить свою победу. Никто не смог его догнать.

Вспоминается мне и жаркий июньский день 1963 года. Я сижу рядом с тренером Лусиса Валентином Маазалитисом на стадионе Ягаскоко института физкультуры и наблюдаю за тренировкой Яниса. Он пробует рабег, и копье его вновь и вновь взлетает над футбольным полем. Оно поустынно, это поле: ни флажков, которыми отмечается длина бросков, ни разметочных линий. И судьи не тнут стальную рулетку вслед за копьем. И копье на сей раз улетает как неведущий жигитовской фермой колодца имени Я. Мадри. Лусис улетается метанием камней и мечтал о славе большого спортсмена. Он поступил в институт физкультуры, встретился с Валентином Маазалитисом, и с тех пор они неразлучны.

— Наша цель — добиться результата за восторженности семь метров, — скавал мне Валентин Маазалитис. — А вообще-то наша цель — девяносто метровый рубеж.

В каждом виде спорта, где результат измеряется в реальных величинах времени, пространства или веса, есть свой фантастический рубеж: 100 метров — 9,5 секунды, прыжок в высоту — 2 метра 30 сантиметров, старт трех километровых дистанций — 600 килограммов... Есть и у копья такой рубеж — 90 метров.

Теперь, когда пишу эти строки, три рекорда уже остались в области фантастики — прыжок в высоту. Но в том, 1963 году, когда происходил мой разговор с Валентином Маазалитисом, все эти рубежи казались сплошной утопией.

Янис весь сезон 1963 года добивался одной победой за другой. Пятнадцать стартов — пятнадцать побед — так был баланс его выступления. И этот баланс тоже кому-то мог ажуриться проголо, но два человека оценивали его как тревожную неудачу — Янис Лусис и Валентин Маазалитис. Чему же тут радоваться, если ни разу не удалось улучшить рекордный бросок? Если весь сезон прожить на старом заголовке, если не Лусису принадлежит лучший бросок года, а финну Паули Невале, который метнул свое копье на 86 метров 33 сантиметра?

Разве можно считать пройденным год удачным? Далеко нет, далеко да. Вот Валерий Бромель довел свой мировой рекорд до 2 метров 28 сантиметров. И Эльвира Озолина блестяще новым, изумительным рекордом — 59 метров 78 сантиметров пролетела копье. Вот это ушел! А он, Лусис, пролетался весь сезон на одном месте. Это не он побеждал, а его противники програивали. Но долго это не продлится. Сильнейший метатель мира готовится к Токийской олимпиаде, накапливая опыт. И предчувствие не изменило Янису Лусису и его тренеру. 2 сентября 1964 года все телеграфные агентства мира передали сообщение о том, что во время матча летчиков в Японии и Чехословакии в городе Ольше-Оладе Петерсен совершил бросок на 91 метр 72 сантиметра. Вот он, новый мировой рекорд! Нет, не ошибся Маазалитис, считая, что девностиметровый рубеж — это фантастика, а реальность. Только вот проделал этот рубеж не советский метатель, не Янис Лусис, а молодой норвежец.

А вскоре я увидел Яниса Лусиса на олимпийском стадионе в Токио. Под проливным дождем выступали метатели, но среди них не

было мирового рекордсмена Петерсена. Не смог он выполнить даже квалификационную норму и не попал в число двенадцати финалистов. Да и Лусис не мог похвастаться своим успехом в Токио. Из Японии он вернулся не с золотой, а всего лишь с бронзовой медалью.

«Чего лиши!» Олимпийская медаль, хоть и бронзовая, обрадовалась бы многим, но не Лусису. Олимпийским чемпионом стал после долгого перерыва представитель Финляндии Паули Невале, а венгр Герге Кулач в последний момент отодвинул Лусиса со второго места на третье.

Теперь на каждом соревновании перед Лусисом маячила в глубине футбольного поля голая олимпийская медаль. А в следующем, по всеомирному году пополнился еще один физический комментатор, называвший всех своими возможностями. — Йорма Киннузен. Он побил национальный рекорд Невале, послал свое копье на 88 метров 16 сантиметров, и именно этот бросок был лучшим результатом года для комментаторов всего мира. И победа на чемпионате Европы 1966 года была с горчинкой: Лусис победил вех и Киннузена, и Невале, и Сидло, и Кулачора, — но лучший его бросок был равен всего 84 метра 48 сантиметров.

Копье, хоть и весит всего восемьсот грамм, требует метателя огромной физической силы. Лусис стал доминировать на тренировках по 4 тонны металла и все нарастающая и нарастающая бросковая тренировка. И... проиграл все 1967 год. Он терпел неудачу почти в каждом соревновании, уступая первенство Марку Паама, но все равно продолжал борьбу и не терял веры в свою удачу. Она пришла 13 августа в Риге, копье приземлилось на новом рекордном рубеже — 87 метров 62 сантиметра. Но голубой флажок Петерсена оставался недоступным — после своего третьего всеобщего рекорда Лусис был по-прежнему далеко от мирового достижения норвежца, да и бросок Киннузена оставался для него лишь мечтой. Но сезон еще не закончен, еще есть время выиграть, а не удачу, все разочарование этого трудного лета. И в начале сентября в Одессе Лусис оставил победил Киннузена. Его копье пролетело 90 метров 98 сантиметров. Наконец-то погустовала девностиметровая бросок. Ну что же, теперь беритесь, Петерсен!

Но только лето 1968 году Лусису удалось осуществить свою утробу. И где? В Финляндии! На родные знаменитого Матти Ярвинена — десятикратного чемпиона мира, на родные его наделики — Паули Невале и Йорма Киннузена. Ни соревнованиях в маленьком городке Савиарины копье Лусиса пролетело 91 метр 98 сантиметров.

Я встретился с Янисом Лусисом вскоре после его возвращения из Финляндии, на чемпионате Европы в Пензенях. Вид у Лусиса был совсем странный. Скупо, но очень охотно рассказывал он о своем личном турне, о своем броске, который позволил ему наконец-то стать первым комментатором мира. И я понял, в чем причина этой сдержанности. Ведь не за олимпийскую медаль он выступил в Финляндии, только заране готов был отдать золотую медаль олимпийского чемпиона — как перед Токио эту медаль проиграл Петерсену и Озолину.

Я был свидетелем выступления Лусиса в Мехико. Вместе с ним пережил всю невыносимую тяжесть этой борьбы. И тогда, в Мехико, было безнадёжно проиграна, ведь после четвертой попытки Лусис уступал первенство Кулачору, лаять ничего не изменила и у него оставалось

только последние, шестая попытка для того, чтобы победить. И она использована: ее: копье пролетело 90 метров 10 сантиметров. Сколь угодно — пролетит с тех пор соревнования, сколько пролетело дней, а я все еще вижу копье Лусиса, парящее над огромным стадионном. Казалось, что этому копью никогда не будет конца. Сколько лет, так оно и есть: копье Лусиса действительно продолжает полет.

Вот как развивались события в его жизни следующие, послеолимпийские летом.

После зимних трудов Лусис не очень торжественно начал подготовку к метрам и санитметрами. Он понимал, что ему надо так рассчитать свои силы, чтобы оказаться в высшей спортивной форме к чемпионату Европы. Вот и в декабре, в общедомовом матче с метрами и санитметрами, а также и лишь в июне впервые попробовал свои

— Выиграли... Метнул за девяносто — говорю Ээльвард. — С первой попыткой!..

Наутро мы узнали подробности. Результат Лусиса — 91 метр 32 сантиметра. Лишь Паули Неваля попытался прыгнуть его вызов. Его второй бросок был на 89,58. Но большого Неваля сделать не смог. Киннуэнен остался лишь десятком, даже в финал не пошел. Вот и все, что удалось нам узнать из газет, а когда Янис прилетел в Ригу и я с Мазангитисом пришел к нему домой, узнали не больше. Лусис, как всегда, был немногословен, а тут еще должны были нагреться друзья, чтобы отметить его победу.

Мне удалось достать разговориться с Янисом лишь при следующей нашей встрече, жесткой выезда на чемпионате Европы уже была в прошлом, а мировой рекорд Киннуэнена по-прежнему в настоящем. Все его мысли были не с Киннуэненом, занявшим десятое место в Гречии, а с Киннуэненом — рекордсменом мира. И еще с молодым американцем Мурро, который уже в марте послал свое копье на 91 метр 44 сантиметра.

Янис Лусис хорошо подготовился к сезону. Но Латвии, ни в Кяесе на Мемориале братья Знаменских. Не выступал он и в Польше, а когда попытался взять в руки копье в Ленинграде на

матче СССР — США, то вынужден был ограничиться всего одной попыткой. Еще весной на одной из своих тренировок Янис повредил плечо, и вот в то время, как с каждым днем нарастало число соревнований и копья летели все дальше и дальше, выжидая был со стороны следствия за успехами других метателей.

И особенно часто напомним о себе хорошо знакомый Лусис Паули Неваля. Этот очерк был уже написан, когда пришла сообщение из Финляндии. Неваля метнул копье на 91 метр 44 сантиметра, затем совершил бросок на 92 метра 38 сантиметров, а в начале августа вплотную приблизился к мировому рекорду Киннуэнена, послал свое копье на 92 метра 64 сантиметра.

Так снова возник перед Янисом Паули Неваля, с которым он вел борьбу еще на Токійской олимпиаде, так неутомимый финн без устали напоминает Лусису о том, что упущенного сегодня завтра можно и не наверстать. Кому, как не Янису Лусису, известна эта прописная истина? Как же ему трудно сейчас держать себя в руках и ждать, ждать своего часа. Но Лусис и его умеет делать. Чего с ним ни случалось за последние десять лет, с ним все равно побеждать. Ведь воля его жизни по-прежнему высока, а берега еще не видны.

силы в Швеции. А в это время вокруг Лусиса уже кипели события, и нужно было обладать его выдержкой, чтобы невозможно наблюдать за происходящим. Одно сообщение следовало за другим.

«4 июня. Берлин (Калифорния). Пожалуй, самым интересным видом программы международного легкоатлетического мемориала Джон Кеннеди были соревнования метателей копья. Их выиграл, поздравив второй в вышедшем сезоне результат, 82,23, обладатель серебряной медали Олимпиады в Мехико Финн Нормя Киннуэнен.»

«5 июля. Турку (Финляндия). Копье, посланное Киннуэненом, пролетело 87 метров 72 сантиметра. Второе место занял чемпион Токійской олимпиады Паули Неваля — 86,90.»

«19 июля. Тампере (Финляндия). Нормя Киннуэнен установил здесь новый мировой рекорд, послал копье на 92 метра 70 сантиметров. 28-летний атлет стал третьим спортсменом в истории легкой атлетики, перешагнувшим в метании копья девятидесятилетний рубеж. Киннуэнен превзошел предыдущий рекорд, принадлежавший олимпийскому чемпиону рижанину Янису Лусису, на 72 сантиметра.»

Да, этого надо было ждать, ждать вопроса: ведь обычно после олимпийского взлета наступают антипы. А здесь Киннуэнен добился замечательного результата, переворот который будет очень трудно... Через две недели, на Мемориале братья Знаменских, копье Лусиса пролетело 88 метров 35 сантиметров. Но 20 июля Паули Неваля послал свое копье на 91 метр 40 сантиметров. «10 четвертый результат за всю историю в второй в изшедшем сезоне» — сообщили спортивные статистики. И телеграфная переписка вспыхнула с новой силой.

«5 августа. На Спартакнаде дружественных армий в шестой попытке несогласованно мира старший лейтенант Янис Лусис послал копье на 85 метров 26 сантиметров.»

«Хельсинки. 19 августа. Боевую форму нанзанье чемпионата Европы по легкой атлетике демонстрирует рекордсмен мира финский копьеметатель Нормя Киннуэнен. На национальном первенстве, прошедшем в Хельсинки, он послал копье на 89 метров 72 сантиметра.»

В день, когда на финском стадионе «Караискидас» начали свою борьбу сильнейшие копьеметатели мира, мы сидели с женой Яниса Ээльвард Оулиной и говорили о нем.

— Понимаешь, травмамет лишь что состояние, — говорила Ээльвард. — Он сильно воспалился прошлыми летом. Больше десяти бросков за девяносто метров в мировой рекорд, и эта мучительная победа в Мехико. Очень ему хотелось отодвинуть зимнюю перед новым сезоном. Но не решился. Вот и решил форму с прошлого года. А вы знаете, что делает один бросок за девяносто? Вот и решил, как бы быстрее снес. Вистал-вистал и вдруг, уже перед самым чемпионатом Европы, сорвался. Теперь финны надеются больше на Неваля. А ведь Киннуэнен был в петушином шаге, как говорит что и вам скажу? Револю Киннуэнен и Лусису немало сил стоил. Он ведь все нервы наткнул до предела. Как струны на теннисной ракетке. Слышали, как они звенят? А осветить их нельзя, а то и так, иначе у меня ничего не получится!.. А сейчас сезон — и все равно ничего не получится. У нас, метателей, знаете как? Намливившись силой, идешь их, как в сберкассу на свой текущий счет, а вот сдать их с этого счета не всегда удается. Чувствуешь, что сил много, а использовать не ве для чего броски за восьмидесять пять — это предел? Он чувствует, что в финках может выиграть, торжественно метнута за девяносто. Я его все убеждаю: «Тебе же терять ничего». А он мне из Москвы письмо прислал, жаловался, что не метается. Со- «Говорил, что хочет домой. Очень меня это нисколько тревожит. Это знаю, как все может сложиться... Да и вы знаете.

Поядним ветром я услышала в телефонной трубе прерывающийся голос Ээльвард.

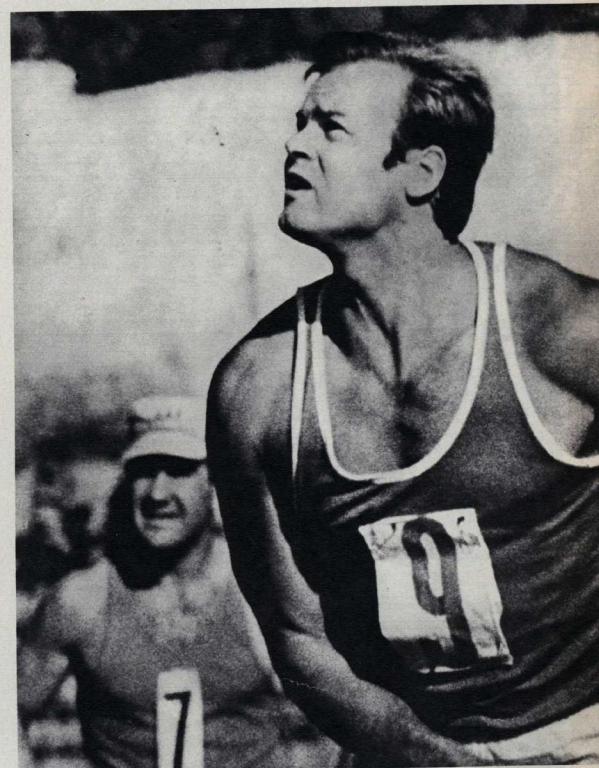

Фото Антониа БОЧНИНА

М. И. ЕРМОЛОВА.
Портрет работы художника В. А.
СЕРОВА. 1905 год.

ОКТАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 1. КАК ПЕРЕЗЖАЛ ДВОРЕЦ
- 2. СЛЫШИМ ЛИ МЫ ДО РОЖДЕНИЯ
- 3. ТИХАЯ НОЧЬ ГАМБУРГА
- 4. ОСЛЫ И УЧЕБНИКИ
- 5. СИМЕНОН И 13 МЕТРЭ
- 6. МАТЕРИ ГОРОДА
- 7. ТАЙНА ГРЕНЛАНДСКИХ ЛЬДОВ
- 8. ОСТОРОЖНО! НЕ КАНТОВАТЬ!
- 9. УПАКОВКА С «СЕКРЕТОМ»
- 10. ЭЛЕКТРОННАЯ ПАМЯТЬ РУСЕ
- 11. БИЛЛИ И БЕННИ
- 12. ВО СКОЛЬКО ОБОШЛОСЬ ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ!
- 13. МАКРОФАГИ И КУРЕНИЕ

В Варшаве сменял место жительства старинный дворец Любомирский, который весит почти десять тысяч тонн. Небесность этой технической операции заключается в том, что огромное здание, являющееся ценным памятником архитектуры, было самострой radialной плоскости. Здание одним крылом разворачивалось вокруг своей перпендикулярной оси и как бы стояло на месте, а в то же время другая часть описывала дугу диаметром в 78 градусов.

Перемещение целых архитектурных объектов успешно осуществлялось и раньше в некоторых странах. В Польше, в частности, на новое место переехали историческая городская застава и старинный костел в Варшаве (вес — шесть тысяч тонн); в Силезии были перемещены доменные печи на металлургическом заводе «Локуй» и разное строение шахты «Микошовица» на расстоянии в несколько десятков метров.

В случае с дворцом Любомирский особая трудность, повторяю, состояла в том, что одно крайнее здание описывало дугу и одновременно оставалось на месте.

На пути перемещения дворец пришлось проложить 16 рельсов от 2 до 60 метров длиной. По ним в старом радиальном положении относительно оси вращения двигались 1 400 стальных цилиндрических катков. Каждый из них поднимал своим талемпи при скольжении легко мог изменить это радиальное положение и потому требовал постоянного контроля.

Сама операция проходила следующим образом. Сначала дворец был «отрезан» от пристрой, затем «снят» с фундаментов и поставлен на стальные конструкции, напольную систему колесиков чудоважной печи. «Колесики» опирались на ролики, причем дотолка их смещением в сторону не мог превышать одной десятой доли миллиметра.

Десять гидравлических домкратов с огромной силой, но очень медленно толкали дворец, сдвигая так же домкраты тянули его сзади, один двигал назад восточное крыло. Скорость «прогулки» была рекордно медленной. Самая высокая температура и та ползет быстрее: здание перемещалось на два метра в сутки. Сложная сигнализационная система мгновенно извещала о даже микроскопическом отклонении стальных катков от заданного радиального направления.

«Прогулка» исторического памятника продолжалась полтора месяца, и за это время здесь побывало множество инженеров из всех воеводств Польши, а также делегации из Советского Союза, Франции, Швейцарии, Бельгии, Италии, ГДР, ФРГ, Англии и других стран.

«ПОЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

На свете было немного известных музыкантов, о которых их биографы не могли бы сказать, что они не проявили способностей к музыке с самого раннего детства. Достаточно посетить любой детский сад, чтобы убедиться в том, сколько мальчуганов и девчушек проявляет музыкальную одаренность. Некоторых даже объявляют музыкальными. Конечно, не каждый из тех, кто в четыре-пять лет сочиняет песенки при жульке или дождя-мороза, оправдывает со временем надежды. Почему? Возможно, и потому, что все великие мастера музыки — идет ли речь о Моцарте, Ваге, Чайковском или Энеску — располагали особым устройством органа слуха (абсолютным музыкальным слухом). Но ведь и у художников зрительное восприятие отличается большей остротой, чем у других людей. Чем же объясняется тот факт, что из всех художественных дарований наиболее ранне развивается музыкальное? Уж не развивается ли слух, то есть само ухо, раньше других органов чувств?

Ответ на этот вопрос мы находим в работах бухарестского врача Дуантру И. Васкину. Целью его исследования был ответ на вопрос: когда человек начинает слышать? Случилось так, что десять лет назад доктору Васкину было поручено сделать вскрытие мертворожденного ребенка, и он обратил внимание на то, что среднее ухо младенца было заполнено воздухом. Но ведь все медицинские трактаты авторитетно провозглашали, что воздух проникает в среднее ухо человека только после его рождения. Как известно, тот воздух служит средой, в которой распространяются колебания, вызываемые звуком.

Думитру Васкину заинтересовала своим открытием. Его продолжительные исследования доказали не только наличие воздуха в человеческом ухе, но и то, что все составные части органа слуха развиваются до шестимесячного возраста внутриутробной жизни плода. До рождения ребенка развиты и слуховая нерв.

Итак, можно утверждать, что мы слышим еще до своего появления на свет. Шведские специалисты констатировали с помощью электронного стетоскопа, что, когда по соседству с беременной женщиной раздается громкий шум, биение сердца у плода изменяется. Многие из беременных женщин, опрошенных доктором Васкину, утверждали, что находясь в их первые месяцы, когда будущая мать слушала музыку, она слышала слово или при звуках лирической музыки, но бесновито неведельши при звуках труб и ударных инструментов... «РУМЫНЩИ»

Одна из передач западногерманской телерадиокомпании АРД для гамбургских зрителей началась с сообщения: «Каждые 15 секунд в Федеративной республике совершается преступление, того — пять тысяч в день, а два миллиона в год... В связи с этим в телерагории АРД появилось новая рубрика — «Советы кримило» (сокращение — «криминальные новости» — Прим. перев.). Однако бюрократии порядка не смогли посоветовать обеспокоенным гамбургцам: «Иногда в кримило старого доброго способа: «Получите записать историю. Впрочем, один раз в нынешнем году вечерники Гамбург был тих и спокон: «Вспомните, что транслировалась одну краму со заломом. В ночь с 10 на 11 июня западногерманское телевидение транслировало из Мюнхена футбольный матч между сборными ФРГ и Перу.»

«НВН», ГДР

Длинноюж животное, называемое плакатом, на которых написано: «Такое наше будущее!», выданы на демонстрации итальянские студенты, обучающиеся в педагогических вузах.

Смысл этого плаката станет совершенно ясным, если позволимся с позволением школьных учителей в Италии и вообще с позволением образования в этой стране. Полюция учителей не имеет постоянных договоров и в любое время может быть уволена с работы. Нечего и говорить, что учителя с прогрессирующей загляданью подвергаются дополнительной дискриминации. Но ренция и вопрос об их вневских.

Для системы народного образования в Италии характерно отсутствие единых стабильных учебных планов для школьников, в стране существует 674 разных пособия по грамматике и 600 различных учебников истории. Практически учитель может сам написать учебник и заниматься по нему со своими школьниками. Разумеется, такая неразбериха удручает и по поводу неизмущим себя (стоимости учебников на каждый год — от 15 до 30 тысяч лир), в особенности если такая семья переезжает в другой город и дети вынуждены менять школы.

Всего это привело к тому, что в конце этого учебного года восемь миллионов школьников, которые пришли на свои экзамены, оказались перед закрытыми дверями школ: большинство тысяч учителей. А вслед за ними вышли на демонстрации и студенты, будучи педагогами... «ВИЕ НУОВЕ», ИТАЛИЯ

Материалы перепечатываются с согласиями или в издании.

5.

Они встретились все вместе лишь на страницах журнала: прославленный писатель Жорж Сименон, который был сфотографирован возле своего дома в Бильзаксе (Швейцария), и тринадцать артистов, которые в разные годы и в разных странах создавали на экранах кино и телевидения образ знаменитого комиссара Мегро. Первый съемка на этом фотомонтаже — Альбер Прежак, сыгравший Мегро в кинематографе еще в 1942 году; шестой справа — Борис Токин, выступавший в этой роли в советской телевизионной постановке прошлого года.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

загадка смерти Чарльза Френсиса Холаа: по некоторым сведениям, он заявил, умирая, что его отравили.

После долгих поисков летом 1968 года могила ученого была найдена. Пролетая во льдах около века, тело Холаа в значительной степени сохранилось. Были взяты пробы для нейтронного активирующего анализа (современный метод, который позволяет определить наличие любого вещества с точностью до одной миллиардной грамма).

Анализ не оставил никаких сомнений: в ногтях и волосах трупа был обнаружен мышьяк.

«ВОХЕНПОСТ», ГДР

умирает тысяча человек (90 процентов — дети). Сейчас создана специальная установка с «смертью» для хранения подобных веществ. Она сделана из непрозрачного материала, имеет форму цилиндра, разделенного перегородкой на два отделения: первое, легкодоступное при ситинг крашири, заполняется безвредными, но сильно красящими пигментами, которые дают родителям знать, что ребенок отделение имеет запирающее устройство с цифрами или буквами и открывается при наборе определенного слова. Подсчитано, что с поступлением новой установки в продажу ежегодная экономия на лечении составит в среднем 100 миллионов франков.

«СЫНС 3 ВИ», ФРАНЦИЯ

10.

В городе Русе действует первая в Болгарии автоматизированная система единой карточной регистрации населения.

Личные и семейные карточки содержатся в специальных хранилищах, где достаточно нажать кнопку, чтобы через несколько секунд получить кассету с нужной карточкой. Зашифрованные данные карточек хранятся в русском электронно-вычислительном центре. С помощью электроники можно в кратчайший срок получить точную информацию о численности населения, наличии рабочей силы и т. д. Всего за полчаса вычислительная машина устанавливает, например, число детей, подлежащих обучению, и дает список их фамилий вместе с адресом. Так же быстро и безошибочно она составляет списки избирателей.

«БОЛГАРИЯ»

вать на титул «самые массивные близнецы в мире». Несмотря на свои габариты, 23-летние братья весьма подвижны: они нередко совершают поездки в торговый центр и даже бывают в театре.

Впрочем, сказать, кто на этих снимках — Билли, а кто — Бенин, невозможно. Установить это можно лишь с помощью взвешивания: Билли весит 640 фунтов, а Бенин — 660.

«ЛАЙФ», США

12.

В испанском монастыре Монсарес найдены архивные документы XV века, которые совершенно точно отвечают на вопрос, сколько стоила экспедиция Христофора Колумба в Бергем Америки.

Открыватель этого континента получил из королевской казны 36 тысяч песет. После скрупулезных подсчетов и учета множества дополнительных расходов, которые подверглась испанская пестра почти за пять столетий, было выяснено, что эта сумма равна сегодняшним 500 тысячам долларов.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

13.

Др Джеймс Харрис из военоморского госпитал в Сан-Диего (США) утверждает: если даже складывается с миссией, будто курение не наносит вред легким, то бесспорен вред, причиняемый макрофагами — крупными омиодерными захватывающими клетками. Исследования показали, что курение приводит к хронической воспалительной реакции, при которой отмирают высокие концентрации дробящихся макрофагов (аprobe жадности, взятой из нижней доли легкого, у курильщиков содержится в среднем 47 миллионов макрофагов, у некурящих — лишь 10 миллионов).

«САПЕНС НЬОС», США

8.

Семь недель путешествовали эти жирафы от узаконенных связей до зоопарка в чешском городке Коузм. Как ни велика гора, но длиннейшее не пожелало в ней челка...

«ВЛАСТА», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

6.

Обычное выражение *ночь в горю* здесь никак не подходит: вот уже больше года городской совет в Рудяне-Ниде (Мазурские поозере) состоит исключительно из представителей прекрасного пола и пост предобывает горювета в течение десяти лет занимает пани Халина Кемпса.

За все это время на правительниц не поступало ни одной жалобы...

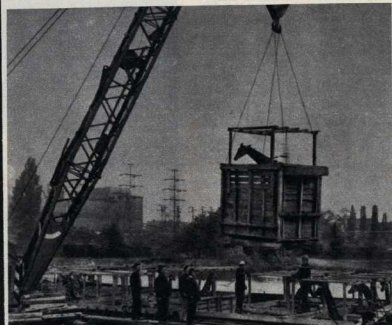
«ДЮКОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

7.

99 лет тому назад, в июне 1871 года, американская экспедиционная судно «Полярис» покинуло бруклинский порт в Нью-Йорке и взяло курс на Северный полюс. Он и был целью этого плавания. Однако зимой, осенью «Полярис» встретился в арктических водах с огромными массами льда, и руководитель экспедиции Чарльз Френсис Хола принял решение возвратиться назад. На северо-западном берегу Гренландии, примерно в 800 километрах южнее полюса, он нашел бухточку для зимовки.

Однако капитан «Поляриса» и научный руководитель экспедиции предлагали уйти еще южнее для большей безопасности. Хола не соглашался, и между ними разгорелся ожесточенный спор. Византизм Хола заболел и две недели спустя скончался. Ему вуржарили могилу в зечном гренландском льду, и «Полярис» ушел на юг, к родным берегам.

Почти сто лет американских исследователей Арктики вдовольно

9.

Из-за случайного потребления токсических веществ, в частности ядовитых лекарственных, во Франции ежегодно отравляются 3 тысячи и

11.

Брат Макррэй из городка Хендерсонвилл (штат Северная Каролина) вполне может претендо-

Джонлан МЕЙФИЛД

ПОВЕСТЬ

Перевод с английского
Виктора РАМЗЕСА.

3

Стили был на редкость серьезным и восприимчивым подростком, хотя и тугодуном. В любви, даже самой пугачином деле он стремился докопаться до сути. Богатое воображение мальчика скрашивало для него убогую действительность. Он был прамодушен, начисто лишен хитрости, любую проблему атаковал в лоб, а не с флангов. Смутное продолговатое лицо редко озаряла улыбка. Глубоко посаженные карие глаза, казавшиеся при тусклом свете совсем черными, смотрели на мир широко и доверчиво, но вместе с тем была в них такая твердость, что даже выходяще виды взрослые порой ежались под его взглядом.

Первый, о ком подумал Стили, Бредя по Сто шестидесяти улице, был мистер Литштейн, хозяин ближайшей аптеки. Стили часто прибирал у него в кладовке и во дворе, и мистер Литштейн ни разу не заплатил мальчику меньше пятидесяти центов, а иногда давал целый доллар.

Стили решил обратиться к нему по двум причинам. Во-первых, мистер Литштейн — добряк и — что очень важно — не забывает называть Стили новым именем. Во-вторых, это единственный богач — своя аптека! — с которым Стили лично был знаком.

На самом деле магазинчик прогорал. Аптекарь пренебрегал современными методами ведения торговли, заключал сделки с комиссионерами, вместо того чтобы гнать их в шею, брал у них неходовые товары. Витрины были непривлекательны, плохо освещены. Автоматы для продажи сандавичей, мороженого и содовой воды бездействовали. Здесь торговали одним кофе, любимым напитком самого мистера Литштейна.

Ему было уже за пятьдесят. Редкие рыжеватые волосы не слушались гребенки, торчали на затылке, точно их ветром разорвало. Мистер Литштейн давно махнул на них рукой. В крошечных подвижных глазах, терзавшихся в крупных чертах лица, сквозили дружелюбие, любознательность и общительность. Мистер Литштейн обожал поговорить — о политике, о нравственности, о государственном бюджете, о детской преступности, словом, о чем угодно.

Магазинчик был по обыкновению пуст, если не считать негра в хорошем костюме, примерно того же возраста, что и мистер Литштейн. Он частенько заходил поболтать с аптекарем, выпить чашечку кофе.

— Цветные, белые, евреи, расовая проблема! — Спор длился не первую неделю, и мистер Литштейн уже начал выходить из себя. — Вечно я слышу одно и то же. Вы на этом поможались. Нельзя ли переменить тему?

— Чего вы кипятитесь! Мы беседем, как воспитанные люди, а вы переходите на ругань.

— Я не могу не волноваться, когда сталкиваюсь с таким опасным образом мыслей. Запомните, мой друг, — мистер Литштейн нетерпеливо застучал ребром ладони по прилавку, — существует лишь одна раса — человеческая!

— Вздор! — воскликнул негр.

— Это благодаря таким, как вы, — продолжал мистер Литштейн, — в мире столько ненависти. Все из-за грошевых обид, мелочного тщеславия. Выдумываете, чего в помине нет... Привет, Стиви! — Он коротко улыбнулся мальчику и сразу снова нахмурился. — Вы живете в благословенной стране и еще недовольны! Я не говорю, что у нас совсем нет недостатков. Но, во всяком случае, у каждого здесь есть какой-то шанс, не то что в других странах. Вы не станете отрицать, что цветные у нас добились многого. Вспомните Ральфа Банча, Марвин Андерсон, Дино Луиса. Их пример подтверждает мои слова.

Негр поднес к губам чашку с кофе.

— Чепуха! — буркнул он.

Мистер Литштейн покряхтел красными пятнами.

— Знаете, кого вы мне напомнили! Он тоже проповедовал расовую ненависть, и звали его Адольф Гитлер!

Негр попернулся, кофе попал не в то горло. Откашлявшись, он от души расхохотался. Мистер Литштейн сердито махнул рукой и пошел вдоль прилавка.

— Тебе чего, Стиви!

Лицо мистера Литштейна, только что бывшее суровым и хмурым, озаряла улыбка, и это придало мальчику храбрости.

— Сэр, — выпалил Стили, — у меня есть одно предложение.

Магазинчик все еще сотрясаясь от хохота негра.

— У вас странное чувство юмора, мой друг, — крикнул ему аптекарь, — В том, что я сказал, нет ничего смешного... Итак, Стили, я тебя слушаю.

Вот что, мистер Литштейн, — И Стили торжественно изложил суть дела. Он будет убирать в кладовке, мести двор и делать любую другую работу в течение двадцати семи недель, а мистер Литштейн пусть заплатит ему вперед, потому что Стили сильно нуждается в деньгах... Аптекарь тем временем обдумывая очередную колкость, которой он выстрелит в хохочущего соперника. Он подивился Стили, сочувственно навал полостей, но, по правде сказать, слушая его вполуха. Когда Стиви замолчал, мистер Литштейн спросил:

— Так сколько же тебе нужно?

Мальчик с готовностью повторил:

— Двадцать семь долларов.

— Ой! — вскрикнул мистер Литштейн и скорчил такую гримасу, точно Стили воткнул ему острый нож меж ребер. Теперь уже внимание аптекаря полностью переключилось на мальчика.

— Ты это серьезно!

Продолжение. Начало в № 19.

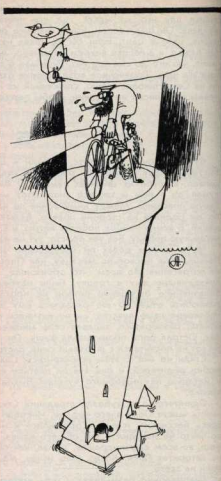
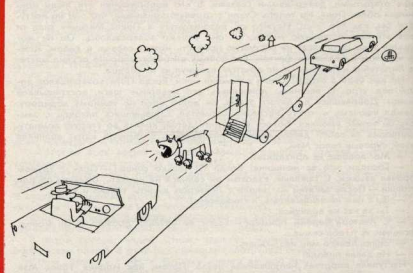
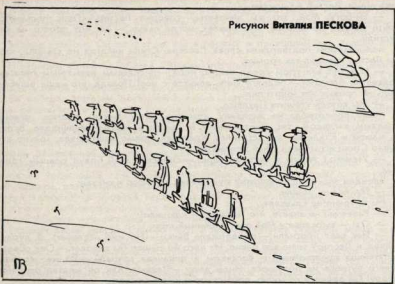

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

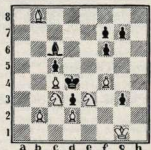
НЕОБЫЧНЫЕ ПАРИ

Однажды (это произошло в конце прошлого столетия) в шахматном клубе пострелялись Вильгельм Штейниц и Самюэль Лойд. Первый в истории древней игры официальный чемпион мира и знаменитый шахматный композитор, автор фантастически эффективных задач. Лойд вызвал Штейница на своеобразный матч. Композитор алкал без предварительной подготовки составить задачу, которую чемпион мира должен был тут же решить. Выигрывал пари тот, кто затрачивал меньше времени. Вышли пушечные контрольные часы, и ровно через десять минут Лойд предложил Штейнцу найти решение следующей задачи:

Белые начинают и дают мат в три хода.
Лойд впоследствии писал, что он считал эту задачу не очень трудной для решения, но надеялся, что многочисленные варианты, возника-

ющие на первом и втором ходах, потребуют значительного времени для их нахождения. Легко понять его удивление и разочарование, когда по истечению всего пяти минут Штейниц представил истерывающий ответ на эту задачу: 1. f4 g6 2. Фf1 h3 3. Фf5 x; 1... h3 2. Фf3 x Крg5 3. Фf5 x; 1... g5 2. Крf4 (не правда ли, красивый вариант!) h3 3. Фe4 x.
Пришлось Лойду сперва сердце признать свое поражение. Но прошло всего несколько месяцев, и ему удалось взять реванш. Он предложил новое пари. На этот раз Штейнцу надо было дать полное решение составленной Лойдом задачи, причем указание на любой вариант расширения нам программы пари.

Белые начинают и дают мат в четыре хода.
После полу часового раздумья Штейниц предложил такую манву решение: 1. Сd6 и затем, независимо от ходов черных, 2. Сf6, 3. С:g7

и 4. С:fg x. В случае же 1... g5 2. Сe7 мат дается даже ходом Валье.

Однако Лойд предложил чемпиону мира еще подумать над задачей. Потратив дополнительно пять минут, Штейниц заявил, что больше никаких вариантов он не видит.
Не скрывая радости, Лойд показал точно замаскированную задачу: 1. Сd6 Сh1 и после 2. Сb7 g4 3. С:g7 получается спящий мат. Воспользоваться здесь следует тем обстоятельством, что черный слон отвачен от поля «f7»: 2. h3 g4 (угрозило 3. Нf5 x) 3. Сe7 с неотвратимым 4. С:fg. Или 2... Сe4 3. Кf5 x. Вот этот скрытый вариант и не заметил первый чемпион мира Вильгельм Штейниц

БАЛЛАДА О ГИТАРЕ И ТРУБЕ

Слова Юрия ЛЕВИТАНСКОГО
Музыка Яна ФРЕНКЕЛЯ

Две дороги степные, а кругом ковыли.
Там гитара с трубой разговор завели.
Начинала гитара: «Та-ра, та-ра-та, та-ре...»
«Тра-па-па-па, па-па!» — отвечала труба.

Сколько было привалов, сколько было атак —
был с гитарой с трубой не поладят никак.
Начинает гитара: «Та-ра, та-ра-та, та-ре...»
И вздохнула гитара: «Та-ра, та-ра-та, та-ре...»
«Тра-па-па-па, па-па!» — отвечала труба.

А две пули, две пули, чуть поинже плеча,
Да одна в гитариста, а одна в трубочка.
И вздохнула гитара: «Та-ра, та-ра-та, та-ре...»
«Тра-па-па-па, па-па!» — отвечала труба.

Две дороги степные, только ветер в упор.
Все гитары с трубой не кончатся спор.
Две дороги степные, две тропы — две судьбы.
И нельзя без гитары, и нельзя без трубы.

КРОССВОРД

Составил В. АНДРЕЕВИЧ

По горизонтали:

7. Молодогвардейка.
8. Река, впадающая в Псковское озеро.
9. Датский прогрессивный художник-карикатурист.
10. Ветер, дующий на Байкале.
11. Исламский танец.
12. Музыкантский ансамбль.
13. Лиственный жарен.
14. Литературный жанр.
15. Персонаж комедии И. В. Гоголя «Мироеул».
16. Шахматная фигура.
17. Рена, впадающая в Мингечаурское водохранилище.
18. Цветная.
19. Песня М. Фарадина.
20. Спутник Юпитера.
21. Чемпионка Олимпийских игр по гребле на байдарках, награжденная Почетным знаком Ленинского комсомола.
22. Спортивная доблесть.
23. Повесть М. Горького.

По вертикали:

1. Форма занятий в высшей школе.
2. Советский космический корабль-спутник.
3. Столица советской союзной республики.
4. Домашнее животное.
5. Автор поэмы «Слон».
6. Русская народная песня.
7. Комедия И. С. Тургенева.
8. Город в Воронежской области.
9. Рассказ А. П. Чехова.
10. Польский народный танец.
11. Декоративный устаревший.
12. Автор романа в Талком остане.
13. Советский поэт.
14. Действующее лицо романа Л. Толстого «Война и мир».
15. Блес отголосков.
16. Роман Д. Мамина-Сибиряка.
17. Меццо-сопрано для подыема и передвижения труппы.
18. Притон реки Пио.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

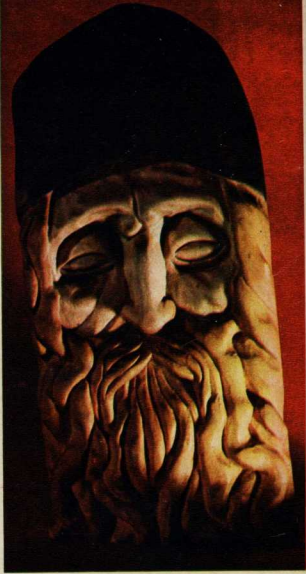
1. Давров.
2. Осипов.
3. Одуэри.
4. Успенков.
5. Солд.
6. Платонова.
7. Вовчок.
8. «Шашка».
9. Актинт.
10. «Ваня-Ваня».
11. Тарелки.
12. Чичков.
13. Дроздина.
14. Дрошина.
15. Дрошина.
16. Дрошина.
17. Дрошина.
18. Дрошина.
19. Дрошина.
20. Дрошина.
21. Дрошина.
22. Дрошина.
23. Дрошина.

По вертикали:

1. Леонид.
2. «Шашка».
3. «Одуэри».
4. Солд.
5. Платонова.
6. «Шашка».
7. Вовчок.
8. «Шашка».
9. Актинт.
10. «Ваня-Ваня».
11. Тарелки.
12. Чичков.
13. Дроздина.
14. Дрошина.
15. Дрошина.
16. Дрошина.
17. Дрошина.
18. Дрошина.
19. Дрошина.
20. Дрошина.
21. Дрошина.
22. Дрошина.
23. Дрошина.

ВЫДУМЫВАЙ, ПРОБУЙ- ТВОРИ...

Олег Исеев — молодой артист балета. Он окончил хореографическое училище при Большом театре, «Выпущен в свет» Олега известный мастер балета Леонид Миданов. Может быть, серьезная увлеченность преподавателя фотографией сказалась и на его ученике, по крайней мере Олег Исеев говорит сейчас, что именно это поддерживало в нем уверенность: своим любимым, «домашним» делом надо продолжать заниматься.

ЛУКАВЫЙ.

Теперь скульптура стала как бы его второй профессией. Занятия в балетной студии развили у Олега чувство пластики, ритма. Природная наблюдательность, хорошая зрительная память на лица помогли создавать интересные по своим деталям, характерные портреты. Там, например, один из портретов появился после того, как Олег долго разглядывал незнамого человека, сидевшего напротив него в метро. Было в его лице что-то паразитичное, вообразившее начинающего художника.

Олег Исеев не создает портреты — он «ремеш» своеобразные дружеские шаржи. Такова склонность его натуры: привнесет лица, выразительность характера. Еще в детстве Олег впервые взял в руки пластилин, после того, как прочитал книгу о бароне Монкгаузене. Закотелось самому изобразить этого странного, свячного человека. Вылепить его, но не танго, идение барон был нарисован, а каково увидел мальчик свои «внутренний зрением».

Очень трудно сейчас говорить о будущем Олега Исеева. Он учится заочно на театроведческом отделении ГИТИСа, растет его коллегия «серебряных портретов». В каждом из них — частичка крепкого, неунывающего характера Олега.

Наталья ДМИТРИЕВА

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820